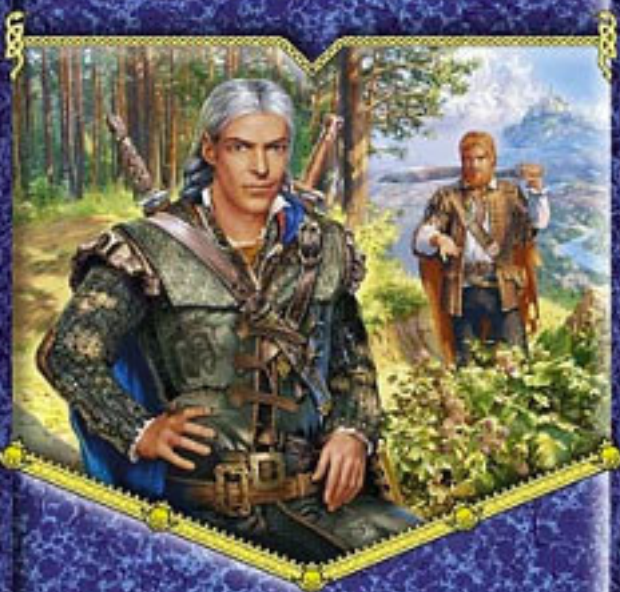

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Людмила АСТАХОВА

АРМИЯ СУДЬБЫ

Издательство Алафа-книга

Знающий не говорит

Людмила Астахова

Армия Судьбы

«Автор»

2007

Астахова Л. В.

Армия Судьбы / Л. В. Астахова — «Автор», 2007 — (Знающий не говорит)

Божьи мельницы мелют медленно. Великая Пестрая Праматерь кропотливо сплетает хрупкое полотно судеб. Сначала она бережно соберет вместе тех немногих, кто презрел свой удел и отверг предназначение: людей и нелюдей. Потом крепко свяжет всех нерушимой клятвой. И когда пробьет час, они совершат то, что не под силу богам. Но это будет потом, а пока беглому солдату предстоит встретить своего извечного врага и... не дать ему умереть. С чего-то же надо начинать.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	30
Глава 3	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Людмила Астахова

Армия Судьбы

Глава 1

ДЕЗЕРТИР И РЕНЕГАТ

Если в кого-то все время тычут пальцем и говорят: «Он – враг!» – не верь, пока сам не помотришь в глаза чужака.

Пард, Человек. 19 лет назад. Осень 1676 года

В самом начале осени по пыльной дороге, ведущей из Тало в Эвраст, шел солдат. Был он молод, не старше двадцати пяти лет от роду, рыжебород и голубоглаз, настоящий урожденный онгыге, с какой стороны ни посмотри. Невысокий, коренастый, с длинноватыми руками, из тех, что в зрелые года становятся поперек себя шире. Если доживают до зрелых лет. Звали солдата Аннупард, а попросту, для друзей и начальства – Пард. Правда, друзей и начальства у него больше не имелось, но по разным причинам. Друзья Парда все как один полегли в сражении на никому не нужной войне, до которых любителем был онгыгенский король, а от отцов-командиров Пард сбежал сам, добровольно избрав бесславную участь дезертира. Мир достаточно велик, а жизнь коротка, чтобы гробить ее в походах его величества Веррона III, резонно рассудил молодой человек и применил тактический шаг, именуемый в просторечье «дать деру». Теперь возврата в Онгыген и быть не могло, потому как дезертиров там испокон веков ждала веревка. Но Пард и не думал сожалеть о содеянном. Мир и вправду был несказанно велик, он убедился в том сам, своими ногами, так сказать. Из армии он сбежал еще весной и до сих пор топтал изношенными сапогами дороги королевства Китант, в которое подался исключительно из тех соображений, что местные жители там пока не торопились каждого первого встречного онгыге вешать на ближайшем столбе. А таких мест оставалось на свете совсем немного и с каждым годом становилось все меньше и меньше. Оголтелые попы из Церкви Вечного Круга – единственного духовного пастыря онгыге, проповедовали немало спорных идей, и самая популярная их догма отрицала наличие у всех «нелюдей» души, низводя последних на уровень животных, подлежащих скорейшему истреблению. А так как «нелюдей» в мире было ничуть не меньше, чем богоизбранных «людей», то надо ли говорить, как популярна была Церковь среди этих самых «нелюдей». Регулярные, словно смена времен года, Священные походы в сопредельные государства, организуемые Святыми легатами, сделали свое дело. Если у многочисленных владык континента и имелось что-то общее, то это была ненависть к Святым землям – Онгыгену и онгыге. Потому путь молодого дезертира лежал на юг, к берегам Вейсского моря, а лучше всего в самую Великую степь, где мало знали о том, что творится на севере, и ежели и слышали краем уха о тамошних войнах и междоусобицах, то не принимали их близко к сердцу.

В начале своего пути дезертир Пард прибил к небольшой своре точно таких же беглецов от «священного долга», но долго с ними не задержался. Свора она и есть свора, и замашки главаря Парду пришлось не по вкусу, а кроме того, грабить хутора, уничтожая все живое на своем пути, ему не хотелось. Онгыге наглядился на все прелести разграбления небольших городков и замков, еще будучи солдатом регулярной армии. Братские могилы, до краев наполненные ободранными догола телами, до сих пор снились ему каждую ночь. Да что говорить, и

солдатом-то Аннупард стал не по желанию сердца, как ни странно это звучит для истинного обитателя Святых земель. И уж никогда и никому он не признавался, что более всего хотел стать скотным лекарем. Ну, хотя бы помощником такового, на крайний случай. Все детство Пард таскал домой увечных зверюшек: собак, кошек, голубей и кроликов, – лечил их, и не без успеха, а лет эдак в пятнадцать вполне профессионально принял роды у соседской коровы, заработав несколько медных монет и единодушную рекомендацию односельчан к провинциальному ветеринару в ученики. Но не сложилось у парня. Как назло, молодой король решил, что ему надлежит превзойти славу покойного папаши по части воинственности. Новый героический поход против «прихвостней поганых нелюдей» требовал много солдат, одними наемниками дело не обошлось. И когда на городской площади зачитали указ его величества о мобилизации всех мужчин старше двадцати лет; Аннупард Шого понял, что мечте его, скорее всего, не суждено сбыться. И верно, вместо ступки с пестиком и скальпеля десятник вложил в широкую ладонь юноши прорезную облегченную секиру – старое доброе оружие оньгьенской пехоты. Что самое удивительное, Пард секиру полюбил, а войну нет. Бывает ведь такое?! Удачно пережив два бездарных похода на Арнас, солдат решил, что пора возвращаться к любимому делу, то бишь к врачеванию недугов у бессловесных тварей. Но не тут-то было. Веррону III захотелось стяжать славу покорителя Шальги, карберанского города, славного не только орочным ополчением, но и высокими стенами. Под ними, под этими стенами, и пало более двух третей оньгьенского войска, а с оставшимися много не навоюешь. Тогда добрый король, не будь дурак, решил отыгаться на собственных солдатах, объявив, что казнит каждого пятого как труса и предателя. Аннупарду хватило одного взгляда на длинный ряд виселиц, чтобы решить распрощаться и с королем, и с родиной, и с вездесущими попами.

Одному было идти невесело, но все же безопасней, чем ватагой. Народ в Китанте был серьезный и на солдат смотрел с недоверием, не без причин ожидая от них грабежа и насилия, и, завидев их, сразу норовил хвататься за вилы и другой острый сельскохозяйственный инвентарь. Пард специально обмотал лезвие своей секиры полотном и первым делом избавился от форменной куртки, обменяв ее на шерстяное полукафтанье, и потому в иных селениях его даже пускали в трактир поужинать, а иногда и переночевать в конюшне.

Когда дорога сделала очередной поворот, мягкий полуденный ветер принес густой тяжелый запах гари и разложения. Указатель на столбе четко указывал в этом направлении, свежая надпись на нем гласила «Эвраст». В Эвраст так в Эвраст, подумал дезертир, уже без всякой радости примерно представляя, что именно ему доведется увидеть за очередным холмом, поросшим чахлыми деревцами арога.

В Китанте строить замки было как-то не принято. Землевладельцы жили в просторных усадьбах, окруженных садами. Пард находил этот обычай очень симпатичным и, когда подворачивался случай, норовил рассмотреть эти строения поближе. Подобное любопытство порой оборачивалось для дезертира плачевно. Один раз свора злобных волкодавов не поужинала им только из-за его врожденной ловкости и умения лазать по деревьям. А однажды охранники с дубинками едва не переломали Парду все кости. Но в этот раз, похоже, ему ничто не угрожало. Три трупа возле сторожки показывали, что при внезапном нападении короткие дубинки не помогают.

Аккуратно подстриженные деревья вдоль посыпанной песочком аллеи показались какому-то злому шутнику подходящей заменой виселиц, и он не поленился использовать каждую удобную ветку для развешивания уже почерневших на жаре тел. Смутить оньгье такими выдумками тяжело, потому что Пард видел и кое-что похуже. Здесь по крайней мере на мертвецах была кожа. Местным живодерам до оньгьенских заплочных дел мастеров еще расти и расти, решил он.

Дальше было еще интереснее. Левое крыло богатого каменного дома сгорело дотла, сожженное не случайным пожаром, а чьими-то умелыми и ловкими руками. Мало ли умельцев

бродит по земле. Кто-то умеет тачать сапоги, кто-то поет лучше птицы, а кому-то сподручней подпустить красного петуха в хату. По всему было видно, что всю многочисленную челядь заперли в этой части усадьбы и сожгли живьем, добавив для верности в огонь сырой нефти. Вот откуда взялась столь густая и неотвязная вонь. С хозяином поступили немногим лучше, вернее сказать, намного хуже, и прислуге, на взгляд Парда, даже повезло. Он всегда считал, что смерть в огне предпочтительнее, чем смерть на колу, если есть возможность выбирать. Но мужчине средних лет в шелковой окровавленной рубашке, с холеными белыми руками выбора, как водится, не предоставили. Он умер чуть менее суток назад, и разложение еще не успело тронуть искаженного мукой лица, но онгье оно совершенно не понравилось. Есть такие лица, которые даже после смерти несут отпечаток тайного и явного злодейства. Даже Неумолимая Госпожа не в состоянии стереть с губ гнусной усмешки, а из глаз удалить огонек жестокости.

Пард прекрасно помнил, какое было лицо у мертвого Ронара Бонго, его десятника, в тот поистине благословенный день, когда шальгские орки-лучники утыкали десятника стрелами до такой степени, что господин Бонго стал похож на дикобраза. Зеленовато-серое, холодное, застывшее, оно и после смерти было лицом садиста, насильника и самодура.

Компанию хозяину поместья составили его ближайшие помощники, чьими изуродованными до неузнаваемости телами, лишенными всех выступающих деталей и частей, был устлан весь внутренний дворик.

Пард по-хозяйски обошел уцелевшие помещения, включая кухню и кладовки, рассчитывая найти что-нибудь съестное. Девственная чистота полок свидетельствовала о том, что неизвестные головорезы оказались людьми серьезными и обстоятельными. Они не только не оставили в Эврасте никакой поживы, но и прихватили с собой шпалеры, гобелены, посуду и даже книги. Да что там книги, вся дворовая живность была либо перебита, либо съедена. Хотя нет, не вся. Где-то по развалинам бродил петух. Пард отчетливо слышал, как тот озабоченно квохчет, и во что бы то ни стало решил получить этот сомнительный трофей. Но то ли птица была не так проста, то ли у онгье притупился инстинкт охотника, однако погоня за неуловимой тварью успехом венчаться не торопилась. А куролов забрел в один из уцелевших подвалов и там обнаружил небольшую, но совершенно не поврежденную дверь. Запиралась она на простой, хоть и увесистый засов. Для человека со сложением Аннупарда открыть дверь оказалось делом плевым, и, сунув нос в подземелье, он сразу и безошибочно угадал в нем тюрьму. Только там может стоять такой особый запах прелой соломы, испражнений, крови, ржавого железа и гнилья.

Стон... или хрип? Чье-то неровное дыхание в полумраке.

– Кто там? – спросил Пард, останавливаясь в дверном проеме.

В ответ только вздох и слабое шевеление в самом темном углу узилища. Пард взял в одну руку секиру, другой рукой крепко сжал чахло коптящий факел и медленно двинулся вперед, напряженно вглядываясь в пляску теней на камнях стен. Чутье у бывшего солдата – как у лисицы, и оно подсказывало, что повода для беспокойства нет. Вряд ли кто стал бы прятаться столько времени в запертой снаружи темнице, если бы имел возможность выбраться наружу. Может быть, забытый всеми узник, а может, старый страж, привычный к сумраку и тяжелым запахам подземной тюрьмы. За первой решеткой Пард разглядел скелет и полуразложившийся труп, за второй – несколько изувеченных, относительно «свежих» мертвецов и, наконец, в самом углу он увидел торчащую из вороха гнилого тряпья руку, привязанную толстой веревкой к кольцу, вмурованному в стену. Рука была живая, хотя сильно покалеченная и покрытая коркой черных струпьев. Ее хозяин лежал на полу, уронив голову на голую грудь. Бедолага находился при последнем издыхании, если судить по хриплому бульканью, которое изредка вырывалось из его глотки.

– Эй, приятель, ты живой?

Пард не слишком рассчитывал получить вразумительный ответ, но его и не требовалось. Узник отчетливо скрипнул зубами, дернулся, от чего грязные пасмы волос прочертили в луже полукруг, но голову поднять не смог.

– Я тебе помогу, – пообещал дезертир.

Кем бы ни был бедняга, за что бы ни был столь нещадно искалечен, но даже умирать человек должен не в грязной конуре, а под открытым небом. Небось уже давненько солнца не видел, с жалостью подумал Аннупард. Война делает бесчувственным кого угодно, и онгье мог спокойно пройти мимо мертвых детей, истерзанных женщин, кричащего умирающего. Но сама мысль о неволе и ненависть к ней заставила его перерезать веревку на тощем запястье узника, подхватить под мышки его недвижимое тело и что есть сил протащить его наружу, к солнцу, к свету, к пусть предсмертной, но свободе. Факел пришлось бросить вниз, и дезертир, чертыхаясь и проклиная все на свете, волок длинноногого узника по крутой лестнице, натываясь впотьмах на какие-то углы и выступы, которых раньше не замечал.

– Уф! Ну вот и все. Кажется, выбрались.

Хозяйственный двор был залит солнечным светом, ослепившим дезертира, как летучую мышь. Некоторое время он тер глаза, размазывая по лицу пот и грязь, матерясь, но зрение, как назло, не торопилось возвращаться. Пард присел рядом со спасенным, представляя себе, каково узнику – давнему обитателю тьмы, если так худо его глазам после получаса блуждания в подземелье.

– Ты потерпи, мужик. Не смотри пока на свет, а то ослепнешь.

Тот в ответ только легонько пошевелился. «Живучий, однако», – подивился Пард. Он терпеливо подождал, пока глаза перестанут слезиться, и решил-таки осмотреть свою «добычу». Но лучше бы он этого не делал.

Так пытаются либо страшного, ненавистного врага, либо ради скотской забавы. Парду доводилось встречать любителей чужой боли, и не только на войне, где нет места милосердию и жалости. В родной деревне он в сопливом детстве до полусмерти избил соседского парнишку, забавы ради замучившего котенка. Лицо бывшего заключенного покрывал толстенный слой грязи, смешанной с запекшейся кровью. Неестественный угол лишнего волос подбородка указывал на то, что челюсть сломана в нескольких местах.

Тело покрывало неисчислимое количество шрамов, язв и ожогов, ногти были сорваны, а сами пальцы рук, сломанные не раз и не два, срослись как попало – вкривь и вкось. Этот человек перенес невыносимые муки...

И тут он открыл глаза. Светло-серые, как жидкое серебро, с точечкой зрачка в центре. Нечеловеческие глаза, полные предельного сосредоточения и боли. Пард отшатнулся и, чтобы убедиться окончательно во внезапной догадке, отодвинул липкие пряди над ушами. Так и есть, заостренные кверху, почти без мочки, самые натуральные эльфьи уши. Если бы в корчме Парду на тарелке подсунули подгнивший трупик крысы, а он умудрился бы откусить кусочек, то наверняка не испытал бы такого отвращения и гадливости. Рыбьи глаза, острые уши, обкромсанные космы тонких и жестких волос – все один к одному. Эльф, проклятуший мерзкий эльф – вот кто это такой! К горлу подступила тошнота, словно дезертир покопался голыми руками в кишасей червями могиле. В водянистых рыбьих глазах нелюдя мелькнуло узнавание.

«Понял, гад, кого ему послала судьба на помощь!»

Лучшая из шуточек злого бога Файлака, позволившего спасти пленника-эльфа его заклятому врагу – онгье. Удивление сменилось могильным безразличием. Кажется, эльф за несколько мгновений успел смириться с мыслью о неминуемой расправе.

– Демоны! Вот гадость! Падла! Не пялся на меня, сука!

Пард схватился за секиру, намереваясь проломить эльфу голову, размахнулся как следует и... лезвие глухо тукнуло по земле рядом с острым ухом. Черная короста на месте губ дернулась, выпуская алую струйку, словно эльф хотел что-то сказать. Проклясть? Поблагодарить?

– Я тебя вытащил – и хватит, – хрипло проговорил онгыё, выдергивая секиру из земли. – Сдыхай теперь сам.

Он с трудом оторвал взгляд от серебристых омутов и не пошел, а побежал к выбитым воротам, намереваясь помыть руки в ближайшем колодце. Ненависть и отвращение к эльфам текли у него в крови, добавляя ей красного цвета и солёности, они передавались из поколения в поколение и превосходили по силе ненависть к остальным нелюдям – оркам и тангарам, вместе взятым, в несколько раз. Где был ее исток, никто в Святых землях и не помнил, но слово «эльф» так давно стало ругательством, что каких-то обоснований уже и не требовалось. В детстве мать рассказывала страшные сказки о злобных и коварных эльфах, которые после смерти превращаются в упырей-кровососов. В безбородом отрочестве за прозвище «эльфья рожа» можно было получить ножиком в пузо, а прозвание «полуэльф» ставило человека на один уровень с растлителями малолетних и скотоложцами.

Убить эльфа дело богоугодное, что клопа задавить, так почему он не зарубил остроухую тварь на месте? Почему оставил помирать своей смертью в полуразрушенной, разграбленной усадьбе? На эти вопросы не было у Аннупарда ответов. Он стремился уйти от проклятого места как можно дальше, куда глаза глядят, лишь бы подальше.

Никогда прежде встречать кого-то из проклятого народа молодому онгыё не доводилось, да и не стремились, по вполне понятным причинам, эльфы в Святые земли, отсиживаясь за своими горами. Там они лелеяли злобу по отношению к настоящим людям и с помощью своей демонической магии насылали на тех болячки и черный мор. Пард даже поинтересовался однажды насчет этого у своего учителя – лекаря Харанга, но в ответ получил кривую ухмылку да пару подзатыльников, на которые добрый доктор был весьма горазд. Ладно, пусть про хвори все выдумка, а все остальное – правда? Что эльфы воруют детей из колыбелек, подкладывая на их место трухлявый пенёк или дохлого щенка? Может быть, до сумасшествия пытаются пленников, живьем сдирая кожу или вырывая из груди еще живое сердце? Отрезают языки человеческим девушкам, прежде чем изнасиловать?

Сколько бы ни наговаривали на орков, сколько бы ни рассказывали небылиц, но Пард своими глазами видел оркских красоток, гораздо более целомудренных, чем многие девчонки из его деревни, не говоря уже о городских. Орки-стрелки, отчаянно защищавшие Шальгу, вызывали лишь уважение, и не только у Парда. Высокие могучие тангары с такими роскошными бородами, что любой онгыёнский поп обзавидует, считались еще более достойными врагами. Достойными для того, чтобы сойтись в честном поединке и, даже будучи сраженными насмерть волнистым двуручником, принять смерть как должное. Правда, если уж быть до конца честными, Онгыён ни разу не сходил в битве с тангарскими дружинами, все стычки ограничивались попытками пиратов под флагом Святых земель захватить длинные ладьи тангаров-купцов. Онгыё хватало и этих подвигов.

Сухая пыль скрипела под ногами дезертира, солнце садилось за холмы, и уже не чувствовалось ни гари, ни вони. Там, во внутреннем дворе умирал искалеченный светлоглазый эльф, существо, лишенное души, гнусное и отвратительное по сути своей... Где-то вдалеке подал голос луговой шакал, высоким подвыванием приветствуя восход Шерегеш в сиреновом мерцающем небе. Ему отозвался другой зверь. Ночные мародеры договаривались о встрече на развалинах поместья. Этой ночью элфу придется худо. Дезертир Пард остановился, сплюнул на землю, проклиная себя, свою безразмерную глупость.

– Будь ты проклят, паразит, будь ты триста раз проклят... Лучше б ты сдох!

И повернул обратно, пытаясь хоть как-то объяснить свой дурацкий поступок. Кроме любопытства – самого распространенного людского греха, – он ничем обосновать его не мог. Любопытство гнало его по жизни, словно семижильный кнут в руках погонщика толстошкурых ленивых волов. Аннупард Шого хотел знать, хотел понимать, хотел своими глазами убедиться

в существовании проповедуемых с высоких амвонов истин. Таким уж он уродился ренегатом и еретиком.

Эльфу снова повезло несказанно, и шакалы за ночь не добрались до него. Видимо, им хватило другого мяса. И долго искать бывшего узника не пришлось. Он сумел отползти совсем недалеко. Лежал, свернувшись калачиком, как младенец в утробе матери, грудой костей и истерзанной плоти. Парду оставалось только подивиться невероятной живучести этого существа. Да человек бы уже или с ума сошел, или откинул копыта. Почувствовав его присутствие, эльф проснулся и уставился на онгыё своими чуть раскосыми глазищами.

– Думай что хочешь, – буркнул Пард злобно.

Но тот лишь вздрогнул всем телом. Пришлось тянуть его в дом, чтоб на месте поискать каких-нибудь чистых тряпок для перевязок, а лучше всего мазь или чего-то подобного. Несколько старых рваных простыней, которыми побрезговали разбойники, пришлись очень даже кстати, а вот с лекарствами не повезло. Кроме полупустой бочки с вином Пард ничего не сыскал, хотя перерыл все, что уцелело при грабеже. Полная фляжка доброго красного вина – вот и все лекарство.

– Открывай рот, – приказал дезертир, склоняясь над эльфом, который подозрительно покосился на флягу. – Это просто вино.

Но нелюдь не только не пожелал подчиниться, но и всеми силами постарался отодвинуться подальше, заслоняясь искалеченными руками.

– Зачем я вернулся? Затем, чтоб тебе помочь, скотина! – не на шутку разозлился Пард. – Надо было мозги тебе сразу вышибить и не возиться с такой неблагодарной тварью, как ты. Хочешь знать, почему я здесь? Я, вишь, на лекаря учился... на скотьего доктора... всякую тварь живую лечил: лошадь, корову, козу. Хотя у них тоже души нету, а боль-то звери чувствуют... Понимаешь?.. Да и не лекарь пока... уже... а вовсе дезертир и... мародер. Я онгыё, ты видишь, я онгыё и таких, как ты, должен перво-наперво резать безо всякой пощады. А я вон тебе помогаю, пытаюсь помочь, а ты что делаешь?

Неблагодарный больной напряг последние силы и разлепил разбитые ссохшиеся губы, сначала издав сдавленный хрип, перешедший в настоящее змеиное шипение, пока не сумел выдавить нечто членораздельное:

– Вино нельзя. Воды. Пить воду.

– Ишь ты! – ядовито ухмыльнулся Пард. – Может, тебе религия пить вина не позволяет? Благочестивый или как?

– Воды, – прошелестел эльф.

– Ладно, это даже проще.

Пард принес воду. Никогда он не видел, чтобы ее пили с таким наслаждением и такими муками, а уж смотреть на этот процесс было в высшей степени омерзительно. Кроме как втягивать в себя воду с помощью свернутого в трубочку языка у эльфа не получалось.

«Может быть, они так и пьют, словно змеи, эти эльфы поганые?»

Напившись, тот впал в беспамятство. Пард решил времени не терять. Поймал-таки одинокого петуха с подпаленным хвостом, одуревшего от неожиданной свободы и одиночества, и пустил упитанную птицу на целебный суп, твердо пообещав себе на капризы эльфа внимания не обращать. А вино выпил сам.

Бульон получился на славу, ароматный, наваристый, с золотистыми кружочками жира, то что нужно для восстановления сил. Онгыё растормошил эльфа и с нескрываемой угрозой спросил, мрачно глядя прямо в его мутные глаза:

– Куриный навар пить будешь?

Эльф согласно кивнул, но одной доброй воли оказалось недостаточно. Номер с языком тут не прошел, эльф захлебывался и обжигался, а ничего путного не получалось. И пришлось

гордому Аннупарду Шого кормить своего пациента из ложечки, морщиться от отвращения, но прикасаться к нелюдю, придерживая того за костлявое плечо.

– Спасибо, – прошипел эльф, опустошив миску.

– Вот ещё, – фыркнул в ответ оньгье. Даже принимать благодарность было несказанно противно.

– Сними, – внезапно попросил эльф, указывая на тонкий блестящий ошейник, охватывающий его шею. По металлу шли какие-то значки и насечки на незнакомом языке, и Пард, с некоторым ужасом в глубине души, догадался, что это вещь не простая, а волшебная.

– Ты колдун?

В животе сладко зудели от страха кишки. Попы внушали, что магия пошла целиком от демонов и прикоснувшийся к ней обречен на проклятие, а магия нелюдей тем более. В Оньгье уже двести лет за колдовство сжигали на медленном огне.

– Сними. Не бойся.

Пард гордо вскинул подбородок с курчавой бородкой, задетый за живое.

– Так ты колдун или нет?

Он не собирался сдаваться. Пусть нелюдь скажет, тогда и посмотрим, что делать. Но эльф только прикрыл усталые глаза, мол, не хочешь – не надо. Больно гордый был. Ну что же, мы тоже гордые. И Пард оставил узника одного, чтобы подумал как следует над своим поведением. Он облазил все поместье, нашел даже подземный ход, правда, полузасыпанный от старости. Вернувшись, обнаружил, что эльф не пошевелился. Но оньгье не расстроился. Так даже удобнее изучать объект своего любопытства. Бывает так иногда, что встретишь какого-нибудь жуткого уродца, страшного, мерзкого, и не в силах глаз оторвать от его уродства. Когда Пард был маленьким мальчиком, в соседней деревне за рекой жил старый солдат. Где и когда враги вырвали ему глаза, он никому не говорил. Жуткие глазницы его были черны и вечно сочились гноем, и Пард страшно боялся случайной встречи со слепцом, но, если таковая приключалась, не мог глаз оторвать от ран, хотя у него мурашки бежали по спине и сердце заходило от ужаса.

У этого эльфа от прежнего, наверняка красивого облика остались только длинные темные ресницы и чудом не сломанный прямой тонкий нос с точеными крыльями ноздрей. И глаза, конечно. Единственное, что жило на изуродованном лице. Говорят, что эльфы могут зачаровывать взглядом, и, по-видимому, это так и есть. Иначе и не объяснишь заботу оньгье о своем самом ненавистном враге. Не глаза, а глазищи. Такие бы бесподобно смотрелись на женском лице – светлые, яркие и совершенно ничем не напоминающие рыбы, даже не водянистые. Скорее они походили на какие-то чудные светло-светло-серые кристаллы.

– Сними. Прошу тебя, – снова попросил эльф и добавил чуть погодя: – Больно. Очень.

Пард колебался, то поднося пальцы к злополучному ошейнику, то отводя руки, пока наконец не решился. Ничего ровным счетом не почувствовав, он нащупал хитрый замочек, понимая, что переломанными пальцами, да еще и без ногтей, эльф бы ни за что его не одолел. Вздых искреннего облегчения, когда ошейник полетел в другой конец комнаты, дал дезертиру понять, что он сделал не просто доброе дело, а нечто большее.

– Спасибо.

Пард не поверил, увидев в глазах эльфа слезы. А еще говорят, что нелюди не могут плакать. Эльф не плакал, сил не было, но одна слезинка все же скатилась по щеке. От вида чужого унижения оньгье стало как-то не по себе. Что может быть глупее мужских слез? Пард отвернулся.

– Ириен, – шепотом сказал эльф.

– Что? – не понял оньгье.

– Имя... Мое.

– Ириен? – переспросил тот.

Эльф кивнул.

– Значит, тебя зовут Ириен. А меня зовут Пард. Вот и познакомились.

Больше они не разговаривали. Спасенный совершенно выбился из сил, затих, а затем и заснул, укрытый куском одеяла, а Пард, наблюдая за наступлением ночи, крепко призадумался. Из поместья нужно убраться. Не ровен час, объявится кто из родни погибшего хозяина. А как отнесутся местные к оньге-дезертиру и покалеченному эльфу – это очень тревожный вопрос. И где гарантии, что Пард не разделит предыдущей участи эльфа? Уходить отсюда надо, и все дела, решил за себя и своего пациента Аннупард, прежде чем завалиться спать.

Избавленный от колдовского ошейника, Ириен уже на следующее утро смог самостоятельно слезть с кровати, несказанно удивив Парда. Передвигался эльф не слишком уверенно, но зато целенаправленно. Парду, словно привязанному, пришлось ходить следом, потому как эльф не торопился пояснять ему цель своих тщательных поисков. В итоге ею оказались два чудных меча с узкими лезвиями, необычайно красивые и необычным образом заточенные. Мастерская работа, хоть и явно эльфийская. Недаром покойный хозяин замка польстился на них. Ириен толком рассказать ничего не мог, из его поврежденного горла вырывалось только змеиное шипение, но привел оньге в прелюбопытную комнатенку. Владелец Эвраста любил потешить себя не только грабежами и разбоем на большой дороге, но и пытками случайных бродяг, а кроме того, благородный господин баловался чернокнижием. Чего он добивался от эльфа, Парду осталось не вполне понятно, но, разглядывая коллекцию, состоящую из сушеных девичьих голов, бутылей с какими-то отвратительными кусками, кошачьих шкур и прочей мерзости, он решил, что медленную и мучительную смерть хозяина на колу можно смело называть заслуженной казнью. Прежде чем уйти из поместья, дезертир с удовольствием бросил в колодец чародейский ошейник, впервые в жизни искренне прочитав очистительную молитву.

Они вышли на тракт уже ближе к вечеру. Эльф в одежде с плеча своего мучителя выглядел пугалом, но держался с таким достоинством, что не каждый король осмелился бы обратиться к нему без дела. Он вроде и не стремился к обществу своего добровольного спасителя, специально делая вид, что идет рядом только из-за общего направления. Спрашивать Парда о ночлеге он тоже не собирался. Просто свернул в приглянувшуюся рощицу, нюхом угадав ручеек, скрытый в высокой траве. Оньге возмутился, но поплелся следом. Ему же пришлось собирать хворост, разжигать огонь и варить еду, потому что «его эльфячье величество» все время пролежал под кустом, свернувшись калачиком. Пищу принял чуть ли не силком, то и дело бросая на полыхающего злобой оньге пронзительные взгляды.

– Ты меня не выводи из себя, тварь, – предупредил Пард. – Последний раз о тебя руки мараю. Мне что, делать больше нечего, как нянчиться с разной нелюдью? Небось ты бы об меня ноги вытер и дальше пошел? Так ведь? Все! Завтра ухожу.

– Уходи, – тихо каркнул эльф и закрыл глаза.

Аннупард всегда считал себя человеком слова – как обещал, так и сделал. Еще до рассвета проснулся, быстренько собрал манатки и направил стопы напрямик на юг. Дорога сама ложилась под ноги, только успевай коленями двигать, осеннее солнышко не пекло, а ласково грело. И вообще, бродяжья жизнь была по всем признакам хороша и удобна, а одиночество совершенно не тяготило. Шел он, шел, но затем присел на обочине, чтоб попить водички и съесть сухарь, да так и просидел на месте, пока не увидел вдалеке высокую фигуру такого же одинокого путника.

Мечи, привязанные веревкой к спине, успешно служили упрямому эльфу противовесом, а не то его точно согнуло б пополам. Голову он обвязал платком, справедливо решив, что вид обкромсанной шевелюры может вызвать ненужные подозрения у встречающих прохожих. Обычай срезать волосы рабам был в ходу почти во всех землях. Когда он поравнялся с сидящим Пардом, то лишь покосился на оньге с необъяснимым выражением лица и медленно попылился дальше.

Тогда бывший солдат, а ныне дезертир плюнул себе под ноги, грубо выругался и увязался следом и более попыток бросить малахольного эльфа не предпринимал. И очень скоро открыл для себя простую старую истину – какое бы доброе и благое дело ни сделал человек, рано или поздно он хотя бы раз непременно пожалеет об этом. Пард жалел о том, что связался с эльфом, по двадцать раз на дню, а иногда и гораздо чаще. И было от чего. То ли эльф ему попался какой-то особо сволочной, то ли вся их порода отличалась скверным характером, но каждая попытка наладить контакт с Ириеном оборачивалась для несчастного оньге припадком раздражения и плохо сдерживаемого гнева. Эльф не желал быть послушным, демонстративно игнорируя все указания добровольного спутника и лекаря в одном лице. С отвращением пил отвары, что готовил ему Пард из знакомых целебных растений, не позволял ставить примочки и тем не менее выздоравливал не по дням, а прямо-таки по часам. Парду становилось чуть ли не до слез обидно. Пациент сам себя лучше всякого лекаря может вылечить. Ну почему люди так не могут? Что за вселенская несправедливость? За что этому остроухому отродью такой дар, в то время как люди от маленькой ранки могут помереть в три счета?

Они уходили все дальше и дальше на юг, убегая от подступающей осени, постепенно притираясь друг к другу, можно сказать даже привыкая, хотя наибольшие усилия потребовались именно от Парда.

Голос у эльфа восстановился довольно быстро, о чем сам оньге узнал совершенно случайно, когда услышал, как тот тихонько мурлыкал себе под нос песенку, когда мылся в ручье. С мытьем вышла отдельная история. Пард себя никогда не считал засранцем, но патологическая тяга эльфа к купаниям была ему непонятна. Зачем, скажите на милость, полоскаться в воде, если накануне они до нитки вымокли под проливным дождем, зарядившим на целый день?

Снова зубами пришлось скрипеть, когда эльф вернулся от ручья не только чистый, но и с тремя рыбинами, нанизанными на примитивную острогу.

– Это ты рыбам песенки пел? – мрачно поинтересовался оньге, сердито потроша добычу.

– Нет, себе, – без зазрения совести признался Ириен.

– Дурному не скучно и самому, – фыркнул Пард.

– Сегодня мне почти не больно говорить.

Он осторожно разминал до сих пор неловкие пальцы, которые, в отличие от всего остального, заживали медленно. Медленно, разумеется, относительно той удивительной скорости, с какой исчезали с его тела иные раны. Даже шрамов почти не оставалось.

– Может, все же на следующем привале я сварю отвар из корешков зубата и ванночки из него поделаем? Верное же средство, – давясь раздражением, предложил Пард.

В ответ, как обычно, он получил тяжелое отстраненное молчание. Парду оставалось только созерцать лохматую макушку. Остроухий предпочитал сидеть в странной позе, упершись лбом в согнутые колени. Пард смотрел и злился. На него и на себя.

– Если ты считаешь, что мои лекарства не подходят, то так сразу и скажи, – пробурчал он, возвращаясь к рыбе.

– Некоторые помогают.

Право слово, слышать это было приятно, хотя Пард никому не признался бы в том даже под пыткой. Рыбку он обмазал глиной и запек в углях. Не еда, а сплошное блаженство, если бы только не требовалось чистить кусочки для эльфа. Мелкие движения были тому недоступны. Странное дело, но челюсть свою Ириен вправил и залечил чуть ли не в первую очередь. Парду, еще в бытность учеником скотьего лекаря, пользовавшего по бедности не только животных, но и людей, довелось сталкиваться с такими неприятными переломами. И он видел, как люди мучаются, пьют через трубочку, едят жиденькую кашку, а иногда и калекками остаются на всю жизнь. А тут всего ничего, какая-то пара суток с небольшим – и полный порядок. Парда трясло от злости и зависти.

– Ты ведь колдун, что ж тебе твоя волшба не помогает с руками-то?

Пард вложил в вопрос все накопившееся злорадство.

– Я не целитель, – спокойно пояснил эльф, не реагируя на явную насмешку. – Я знаю только несколько самых простых заклинаний. Кровь могу остановить, простой перелом ссасывать, ожог или рану затянуть, шрам убрать – вот и весь арсенал.

– А тот, через щеку, на память оставил?

Ириен невольно потрогал белую толстую нитку рубца, идущую от правого уголка рта к виску.

– От волшебного оружия шрамы не исчезают. Только тот, кто нанес рану, может ее излечить.

– А он, я так понял, не хочет, – усмехнулся недобро Пард.

– И не хочет, и не может. А что касается пальцев, то переломы слишком сложные. Да и больно сильно.

– Так сильно, что мочи терпеть нет? – с наслаждением нахамил оныгье.

Но Ириен ответил серьезно:

– Я несколько раз пытался, но сознание терял. Не получается.

– А почему тогда от помощи отказываешься? Может, корешки-то помогут?

– Лошадям твои корешки помогают, а у... нелюдей от зубата хрящи окостеневают, – нехотя пояснил эльф. – Мне так разок локоть «полечили». Еще чуть-чуть – и сустав бы уже никто не смог разогнуть.

– Я не знал, – честно признался Пард.

– Ну так теперь знать будешь и никого калекой не сделаешь, лекарь, – сказал эльф как отрезал, продемонстрировав кусочек своего подлинного норова.

Оставалось Парду только челюстью хлопать от неожиданности. Он, конечно, обозлился поначалу, но к сведению случай принял и даже повадился советоваться с Ириеном о лечебных свойствах иных трав. Многого он от эльфа не добился, но попутно выяснилось, что тот изведal в своей жизни немало неприятных приключений, заканчивавшихся серьезными ранениями, и очень часто оказывалось так, что помочь было совершенно некому и приходилось обходиться своими силами.

– А ты кто такой? – поинтересовался как-то раз оныгье.

– Как это кто? – не понял Ириен.

– Наемник, бродяга, пилигрим, шпион?

Тут эльф внезапно задумался, сделав для раздумий остановку прямо посреди дороги.

– Наверное, наемник.

– Наверное?

– Я ношу оружие, я воин, я иногда нанимаюсь в армию, значит, я – наемник. По крайней мере так можно охарактеризовать род моих занятий.

– Но на самом деле ты считаешь себя кем-то иным? – догадался внезапно Пард.

– Почему ты так решил? – холодно спросил Ириен.

– Очень просто. Я, например, сбежал со службы, значит, я дезертир и к тому же предатель, но я таковым себя не считаю, потому что никто не спрашивал, хочется ли мне быть солдатом. Правильно? Я всегда хотел за лошадьми ходить, быть для всяких тварей лекарем, им я себя в глубине души и считаю. Да, недоучкой и невеждой, но именно лекарем, а не дезертиром.

Внезапно эльф улыбнулся. Еле заметно, самым уголком губ, и то была первая улыбка, которую Парду довелось видеть на его лице. Кривая и неловкая, но это первый признак выздоровления, как говорится в «Канонах».

– Да ты философ, Пард. Этак каждый станет считать себя на самом деле кем-то иным. Шлюха – жертвой мужской похоти, наемный убийца – непризнанным поэтом, а пьяница – праведником. Хотя, возможно, ты и прав. Из тебя на самом деле лекарь лучший, чем солдат.

Пард надулся, углядев в его словах скрытую насмешку. Можно подумать, эльфа виднее, какой он воин, если он и лекарь не самый лучший. Но буквально на следующий день онгье выпал случай убедиться в том наглядно.

– Сюда идут люди, – внезапно сказал эльф.

– Что?

– Я говорю, что в нашем направлении со стороны дороги идут люди. Числом... э... одиннадцать.

Глядя, как Ириен аккуратно положил у ног мечи, Пард тоже придвинул свою секиру поближе. Люди эти могли быть кем угодно: лесорубами, охотниками или такими же бродягами, но им следовало увидеть, что два путника возле костерка совсем не безоружны. Прошло еще несколько мгновений, и Пард тоже услышал шуршание в кустах, топанье десятка ног и пыхтение. Эльф даже ухом не повел, продолжая поворачивать прутик с кусочками жирного кролика – вечерней своей добычи.

В людях, которые стали появляться со всех сторон из-за деревьев, Пард сразу и безошибочно опознал отъявленных головорезов. И он никак не мог ошибиться. Онгье сам мог стать точнехонько таким. Если бы захотел насиловать, убивать и грабить безнаказанно – до тех пор, пока из брюха не выпустят кишки или шею не обовьет жесткая веревка. Только двое из банды оказались метисами, а остальные представляли собой столь любимую онгьенскими попами расу «настоящих» людей. Но такое явное преимущество никак не отражалось на их бандитских рожах.

– Что я вижу?! – радостно воскликнул самый толстый и розовощекий из компании. – Онгье в компании с эльфом? Ниски, я не сплю? Или, может быть, сегодня какой-то особенный день?

Квартерон с грязной каштановой шевелюрой игриво хохотнул в ответ, но тяжелый топор в его руках выглядел совсем не игрушечным.

– Онгьенская собака моя. Родня как-никак.

– Трахни рыжего, как дед бабку твою трахал. Авось понравится, – предложил смуглокожий красавец со сломанным носом.

Головорезы довольно заржали. Предстоящая забава их весьма привлекала. И они, и даже Пард прекрасно понимали, что двое против одиннадцати просто не могут выстоять. Типичная онгьенская внешность Парду приносила одни только неприятности, начиная от проклятий, брошенных негромко вслед крестьянкой, и заканчивая тяжелыми побоями. Даже сббив бороду, он оставался бритым онгье, безошибочно узнаваемым в глухую безлунную полночь.

– А что будем с чучелом делать? – вопрошал тем временем толстяк – главарь.

– Прирезать его...

– В Морокене за остроухих дают десять монет серебром...

– Да на кой нам эльф?

Предложений было много, и разнообразием они не отличались. Пард невольно покосился на Ириена. Тот нимало не смутился и на высказывания разбойников обращал внимания не больше, чем на ветер в кронах местных кривых сосен. Но едва главарь сделал шаг в его сторону, эльф неуловимым движением подхватил мечи и принял недвусмысленную стойку. Определенно, он собрался драться.

– А ты совсем тупой, – усмехнулся толстяк. – Считать не умеешь?

– Умею, – сказал эльф и без всякого предупреждения пошел в атаку.

Мечи в его руках ожили, и за их бешеным блеском Аннупард не сумел разглядеть тех быстрых, текучих движений, которые превратили эльфа в неуловимую тень. Брызги крови расцвели под росчерками его мечей.

– Девять, – сказал Ириен.

Два трупа молча рухнули в начинающую желтеть траву и тем самым побудили к действиям остальных разбойников. Одного, того самого квартерона, Пард зарубил сразу и схватился еще с двумя. Ему повезло, потому что оба оказались не слишком умелыми мечниками. Он тоже не мог похвастаться каким-то особым мастерством, но все же четыре года на войне дают больше практики, чем многие годы грабежа беззащитных. Тем временем Ириен максимально сократил преимущество противника посредством стремительного отсекаания голов, рук и ног. Пока Пард справился с одним из своих врагов, тех усилиями эльфа осталось всего трое, в том числе толстяк. И очень скоро наступил момент, когда эльф сказал:

– Один. Устраивает такая арифметика?

В правый глаз и сонную артерию главаря одновременно были направлены лезвия эльфских мечей. Оказался ли этот аргумент недостаточно весомым, или у толстого помутилось в мозгах от ошеломительного отпора, но он дернулся вперед и умер в тот миг, когда сталь пронзила его мозг.

– Сволочи, – беззлобно сказал Ириен, обтирая оружие от крови. – Такой кролик пропал.

От ужина остались только затоптанные головешки, а никаких иных запасов у них не имелось.

– Опять ложиться спать голодными, – констатировал печальный факт эльф. – Давай посмотрим, может быть, у этих гадов что-нибудь съестное найдется. – И он принялся деловито потрошить походные мешки разбойников. – Помоги мне узлы развязать.

Добыча оказалась скудной. Три лепешки, сваренное вкрутую яйцо, яблоко и пригоршня орехов.

– Маловато, но для ужина сойдет, – вздохнул Пард.

– Жаль кролика, – отозвался Ириен.

Впервые онгье полностью согласился со своим исконным недругом. Они быстренько оттащили поверженных бандитов в ближайший овражек, справедливо полагая, что за довольно прохладную ночь те не успеют завонять. Предварительно эльф снял с главаря почти новые ботинки подходящего размера, а с квартерона – красивую куртку из серой замши.

– А ты большой мастер на мечах сражаться, – сдержанно отметил Пард.

Он не мог не похвалить эльфа, не признать очевидного, хотя совсем не хотелось это делать. Самое противное то, что эльф принял похвалу как должное, ничуть не смутившись и никак не отреагировав.

– Как же случилось, что ты попался в плен к какому-то провинциальному психу? – довольно ядовито спросил онгье.

Эльф в задумчивости почесал макушку.

– Я сам долгое время не мог понять свою ошибку. Обычно я чувствую... ну, могу ощутить подвох. Но тут... Он присоединился к торговому обозу в Тало. И ничем не выделялся среди других. Обычный помещик, пожалуй, даже приятнее в обращении, чем большинство нобилей. Скорее всего, у него это была обычная тактика. Попасть в обоз, присмотреться, кто из охраны и путников чего стоит, а потом дать своей банде условный знак. Я бы, положим, отбил... мм... разными способами, но он уронил мне на голову кувшин пива и успел застегнуть на шее... ту штуку.

Лицо Ириена исказилось от едва сдерживаемого отвращения. Возможно, даже к самому себе.

– Женщин изнасиловали и перерезали, детей... я не буду тебе рассказывать... а меня и еще нескольких купцов взяли в плен.

Пард пожал плечами.

– Я понимаю, что за купцов можно взять выкуп, а от тебя какая выгода?

– Не было никакого выкупа. Купцов просто запытали. До смерти.

– А тебя?

– И меня, – молвил эльф и демонстративно отвернулся, не желая продолжать разговор. Он медленно сжевал свою долю ужина и завернулся в одеяло.

– Ложись спать, Пард, – напоследок посоветовал Ириен. – На сегодня с нас развлечений достаточно.

Оньгье злился на Ириена весь следующий день, стараясь не смотреть на эльфа без особой нужды. Более того, он эльфа ненавидел всей душой, всем сердцем. За то, что тот стремительно, невозможно быстро для человека выздоравливает, нарушая все мыслимые законы исцеления плоти. За то, что не жалуется на дикую боль в плохо сросшихся пальцах. За то, что не просит помощи. За то, что, даже покалеченный, он остается опасным и страшным врагом. За то, что переживет не только его самого, Аннупарда Шого, но и его внуков. За то, в конце концов, что онгье привязался к нему. За все сразу.

Как просто устроено было мироздание еще совсем недавно. Нет, Пард не был одержим манией величия человеческой расы и фанатиком веры тоже не был даже в годы доверчивой юности, но вообразить себе путешествие на пару с эльфом он не мог даже в самых горячечных снах. И еще одно он понял – что ненавидеть много проще и удобнее, чем сделать попытку понимать.

Они обошли сторонкой большую деревню, стараясь никому не попадаться на глаза. За рекой, петляющей среди азовых рощ, начинались земли, принадлежащие Великому князю Даржи. У Китанта с соседом всегда были тесные связи, Великие князья частенько женились на китантских принцессах, а даржанские купцы имели право беспошлинного транзита товаров и существенные скидки при торговле в самом королевстве. А посему пограничные посты между государствами были такой же редкостью, как радуга зимой. Оньгье слабо представлял себе, что он будет делать в Дарже. Вперед его влекли все то же неистребимое любопытство и жажда нового. Пард и Ириен спустились к воде и, поблуждав по берегу пограничной реки, убедились, что переправиться можно буквально в любом месте. Они расположились под защитой густых кустов в ожидании темноты. Пока Пард собирал сушняк для костра, эльф вооружился острой и, раздевшись догола, полез в воду. Похоже, он видел сквозь толщу воды так же отчетливо, как и на воздухе, и каждый взмах заточенной палки заканчивался трепетом серебристого рыбьего тела на ее острие. Пард с тихой ненавистью наблюдал за рыбалкой, понимая, что такой точности движений ему не достичь никогда. На долю человека оставались лишь жестокая зависть и растущее чувство неполноценности.

Поймав с десятка некрупных рыбешек, эльф обернулся и радостно, как ребенок, рассмеялся рыбацкой удаче. Пард лишь скрипнул зубами с досады и сделал вид, что не заметил этого греющего душу смеха.

– Почему ты злишься на меня? – спросил Ириен, не выдержав, по-видимому, напряженного молчания спутника.

– Мне надоело таскаться следом за тобой, – пробурчал Пард.

– Разве я заставляю тебя? – слегка удивился тот.

– Заставляешь.

– Как?!

Изумление эльфа было столь неподдельно, что его глаза на мгновение из миндалевидных стали совершенно круглыми.

– Не знаю как! – окрылся Пард. – Так, как вы всё делаете! Втихаря и обманом!

Оньгье бросил свое занятие и встал во весь рост, сложив руки на груди и вперив гневный взгляд в эльфа. В свете закатного солнца он казался отлитым из кипящей меди. Медная буйная грива волос, огненная борода, загорелая почти до черноты кожа, да и внутри у Аннупарда бушевал настоящий пламень.

– Я ничего плохого тебе не сделал, – спокойно сказал эльф. – И я в самом деле благодарен тебе за помощь. Я немало прожил среди людей, но тебя сейчас понять не могу. Чего ты хочешь от меня?

– Я не хочу, чтобы мной командовал какой-то бродячий эльф! Может быть, у тебя есть касательно меня какой-то особый план? Так поделись! Я не желаю играть втемную.

Ириен недоуменно сдвинул брови. Ему разговор нравился все меньше и меньше.

– Разве я управляю твоей волей или желаниями? Отдаю приказы? Принуждаю к чему-нибудь? Ну, приведи хотя бы один пример, Аннупард!

Он тоже вскочил на ноги, чтобы не смотреть в пышущее ненавистью лицо онгье снизу вверх.

– Ты – эльф, – высказал Пард свое главное обвинение.

– Да. А ты только заметил? И что с того? Ты ненавидишь меня за то, что я – эльф? Хочешь меня убить за это?

– Нет, убить не хочу, – не слишком уверенно ответил онгье.

– Но я никогда не перестану быть эльфом. Даже после смерти я буду мертвым, но все равно эльфом. А кроме того, эту проблему очень просто разрешить. Ты идешь в Даржу, и я направляюсь туда же, а там поступай как знаешь.

– А почему это мы в Даржу собрались?

Эльф мгновенно успокоился и внимательно посмотрел на Парда. Теперь он говорил рассудительно и спокойно, как взрослый – с несмышленным дитятей.

– А вот это выглядит совсем по-детски. И твоя странная злость... Мы оба совершенно свободны в выборе дорог и направлений, и незачем прятаться за словами. Если я не устраиваю тебя как спутник по причине ли моей расы, или еще по какой, то проще было бы не навязывать себе мое неприятное общество. Я буду всегда признателен тебе за спасение, лечение и поддержку, Аннупард, и никогда не смогу в полной мере отблагодарить тебя. Но разве я виноват, что не соответствую онгьенским догмам о нелюдах?

– Не разговаривай со мной, как с сопляком неразумным! – прошипел Пард. – Тебе не понять...

– Чего мне не понять? Как просто и понятно ненавидеть, презирать и оскорблять всякого, кто отличается разрезом глаз, формой ушей или цветом кожи? Прекрасно тебя понимаю. В Фэйре это умеют делать ничуть не хуже, чем в Онгьене, можешь мне поверить на слово. Или ты думаешь, что мне особо приятно было принимать пищу и воду из рук человека, который считал и продолжает считать меня говорящим животным, существом без души? У меня тоже были любящая мать, и мудрый учитель, и настоящий друг, и многое другое, что есть у тебя, и то, чего у тебя, человек, не будет никогда. И кстати, как бы ты меня ни ненавидел и ни презирал, ничего в тебе и тем более во мне это не изменит. Я останусь эльфом, а ты – человеком. И никакого противоречия я здесь не вижу.

Он повернулся и ушел, оставив Парда наедине с его сумбурными мыслями. Кого теперь винить? Ну, только себя. В Онгьене все вокруг знали прописную истину о том, что они – народ избранный, народ-богоносец в великой милости Творца, наделенный бессмертной душой, тогда как нелюди – лишь говорящие животные, ходящие на задних ногах. Один только Аннупард не знал и все норовил проверить слова отца-настоятеля. И нет чтобы проверить самым простым способом, скажем, распороть эльфу пузо и посмотреть, те ли у него кишки, как и у людей. Ведь совал нос в разные книжонки, что церковники держали у себя под подушками для личного пользования, разговоры водил крамольные, язык орочий выучил, скотина этакая. Такие вот дела. А настоящему онгье это ни к чему. На то мы и люди, чтобы косо смотреть на тех, кто отличается глазами, ушами, волосами, цветом кожи, и твердо помнить, кто избранная раса.

Мир вокруг необратимо разрушался, устои, и без того не слишком устойчивые, падали, догмы на глазах ветшали, и Парду хотелось выть от тоски. И не от вселенского этого развала, а оттого, что ни за какие коврижки он не хотел идти дальше без Ириена.

Оныгье дочистил рыбу и прикопал ее в угольях. Не пропадать же добру. Он скорее почувствовал присутствие эльфа, чем услышал его шаги. Но за ярким кругом света человеческие глаза не в состоянии ничего разглядеть, и потому он просто бросил куда-то в темноту:

– Тут... э... ужин готов, Ириен...

Тот не заставил себе долго ждать, подошел и как ни в чем не бывало, уселся на песочек, но не напротив, а почти рядом. Плечом к плечу. Рыба удалась на славу, но они ели молча. И только когда последний плавничок был обсосан и брошен к горке костей, Пард спросил как бы невзначай:

– А ты бывал раньше в этой самой Дарже?

– Бывал, – буркнул лукавый эльф, жмурясь на желтобокую Шерегеш, как сытый кот. – Но это было давно.

– И какая она?

– Увидишь.

Сказать, что Пард был потрясен Даржой до глубины души, – ничего не сказать. Он вырос в маленьком поселке рядом с небольшим городом и за всю свою недолгую жизнь видел немало небольших городков, больше смахивающих на деревни-переростки. Однажды довелось ему побывать в самой Мегрине – столице Оныгьенского королевства, и с тех пор Пард считал ее великим городом. Но по сравнению с Даржой она оказалась крошечным захолустным городишкой с узкими грязными улочками, кособокими домишками. Даже знаменитый кафедральный собор с его колокольной в пятьдесят локтей – гордость и слава оныгье – выглядел на фоне храмов Даржи скромно и убого. Пард и представить себе не мог, что возможно такое несусветное столпотворение разномастного народа. Не город, а неоглядная громадина, валяжно разлегшаяся на обоих берегах полноводной Дой, Даржа представлялась ему кипящим котлом, в котором плавилась все мыслимые расы и народы.

Никто не знает, когда и кем был заложен первый камень в основание Даржи. Хроники и летописи единодушно молчат об этом. Кое-кто из высокоумных ученых мужей полагает, что случилось это еще до начала Темных веков, в непроглядной дали времени. Но опять же никаких достоверных свидетельств тому не сохранила ни единая летопись. Здесь всегда жили люди и нелюди, здесь всегда торговали, молились, сражались, стяжали славу и исчезали без следа. Сюда последний раз сходили с небес боги, здесь бились демоны и колдуны, здесь зарождались и умирали религии, а потому количество храмов в Дарже не поддавалось исчислению. Этот город в разное время становился столицей двух великих империй, пяти королевств и трех княжеств. Только дворец нынешнего Великого князя перестраивался двадцать раз, становясь с каждым разом все больше и пышнее.

Аннупард дивился на мостовые из зеленовато-серого камня, древние и новые, выложенные сложным узором, на трех– и даже, страшно сказать, четырехэтажные дома обывателей, на тысячи лавок с вывесками на всех существующих языках и наречиях. Любовался садами с фонтанами и дворцами с башнями, широкими каменными мостами, переброшенными через Дой, по которым в обоих направлениях могли двигаться по три телеги сразу. Какого только народа ни повстречал оныгье на своем пути. Казалось, что Даржа собрала под свое крыло всех кого могла: чистокровных и полукровок, все мыслимые помеси из четырех рас. Тут жили никогда не виданные Пардом люди с черной кожей.

«Интересно, – подумал ошеломленный Пард, увидав по-орочьи смуглую высокую даму с крупными тангарскими чертами лица, – а действует ли в этом городе брачное уложение – Имлан?»

Оныгье, непривычного к такому скоплению нелюдей, окружила со всех сторон разноязыкая, пестрая толпа. И в какой-то момент Пард вдруг с ужасом обнаружил, что он единственный из прохожих принадлежит к человеческому роду целиком и полностью.

– Куда прешь, деревенщина?! – заорал на него здоровенного роста орк в расшитой лазоревым шелком белоснежной тунике, бесцеремонно толкая в грудь. – Дорогу благородной леди из дома Чирот! В сторону! Дорогу!

Над головами прохожих в могучих руках носильщиков плыл тех же цветов, белый с лазоревым, широкий открытый паланкин. В паланкине, на расшитых золотом подушках, сидела невероятная красавица, в жилах которой текла исключительно человеческая кровь. Пард проводил ее жадными глазами, не в силах отвести взгляд от молочной кожи и янтарных локонов. Красотка соизволила бросить на него мимолетный взгляд из-под тяжелых век, покрытых серебряной краской, от которого у оныгье сперло дыхание и чаще забилося сердце. Толпа быстро оттеснила Парда к стене, и через мгновение он потерял из вида паланкин. И даже голос глашатая смешался с громкоголосым гулом, царившим на улице.

– Чего пялишься, борода? – ухмыльнулся поднырнувший под руку парнишка-метис. – Смотрите-ка, как слюни распустил! Такая не про тебя!

– Отвали! – огрызнулся Пард. – Пока по шее не получил.

– Смотри, как бы самому по рыжей роже не схлопотать, – гоготнул метис и исчез в толпе.

И тут он был прав. Пард не раз и не два подметил, что многие посматривают на него косо, без труда определяя в нем представителя не самой почитаемой народности людей. И только верная секира, возлежащая на его плече, не давала окружающим довести до сведения оныгье свою неприязнь. Видимо, сомнительная слава Святых земель достигла Даржи и далеко не всем пришлась по вкусу.

«Пожалуй, эльф знал, о чем говорил, когда настоятельно советовал сбрить бороду», – решил Пард и направился к первому встреченному на улице брадобрею. Однако не тут-то было. Цирюльник, по виду чистокровный человек, прогнал его с порога, заявив, что вход в его заведение собакам, свиньям и оныгье категорически запрещен. Спорить с ним оказалось бесполезно, так как на стороне цирюльника имелся веский довод в лице скучающего полуорка – вышибалы. Следующие пять или шесть попыток побриться тоже не привели к желаемому результату, и в голову к Парду стала закрадываться тревожная мысль о том, что, возможно, и в трактирах к нему могут отнестись подобным же образом. Первая же проба пристроиться на ночлег оказалась столь же плачевной, как и неудавшееся бритье. На дорогую гостиницу у оныгьенского дезертира денег не хватало, а в недорогих, но приличных заведениях ему решительно указывали на дверь. В дешевые ночлежки для бродяг и больных оныгье идти не хотелось. Но Пард не слишком расстроился, в конце концов, в природе имелись еще приюты при храмах и ночевка под открытым небом, благо погода стояла хорошая. На одном из бесчисленных базаров Пард торговал несколько лепешек с мясом и приправами, кувшинчик вина и яблоко. Торговка одарила его на прощание нелюбезным взглядом и пожелала поскорее подавиться, а чумазый мальчонка непонятной породы попытался бросить вслед гнилой помидор, но Пард не обиделся. Ему не требовалось любви и уважения даржанцев, а мощная фигура бойца и тусклая сталь секиры оберегали от наиболее рьяных недоброжелателей. Справедливости ради он заметил про себя, что в родном городе его недавнего спутника Ириена давно бы уж забросали камнями или вздернули на ближайшем дереве.

Жители Даржи оказались не в пример терпеливее оныгье, они дождались ночи. Ночевать Парду пришлось на берегу реки, среди бродяг и нищих, прямо на голой земле. Засмотревшись на городские чудеса и красоты, он пропустил время, до которого пускали в странноприимные дома, и стража прогнала его прочь. У дезертира должен быть очень чуткий сон, но столько впечатлений, полученных за один день, выбили Парда из колеи, и он бессовестно задрях, забыв об опасности. Сильнейший пинок под ребра разбудил его среди ночи. Удары сыпались на

оньге, как горох из дырявого мешка, трещали ребра, кровь мгновенно залила глаза, но грабители вовсе не рассчитывали встретить такой яростный и жестокий отпор. Все-таки Пард был солдатом, и били его не первый раз в жизни. После нескольких ответных взмахов секирой ряды разбойников поредели, и те, кто уцелел, бросились наутек, но Парду от этого легче не стало. Вместе с беглецами исчез кошель с деньгами, а эта потеря означала большие неприятности в грядущем, потому что найти работу в городе, где каждый норовит плюнуть оньге вслед, будет чрезвычайно Сложно.

И тут Пард не ошибся ни на йоту. Следующее шестидневье он безуспешно пытался пристроиться подметальщиком, камнетесом, золотарем, забойщиком скота, землекопом и посудомоем. За тарелку ухи и ломоть хлеба он прополол огород на окраине, и то лишь потому, что старушка-хозяйка была почти слепа и туга на оба уха. Она, к счастью, не углядела в работнике уроженца Святых земель. Заглянул Аннупард и в казармы городской стражи, но, увидев, что вся она состоит из обладателей разных долей орочей крови, сразу понял, что даже при успешном зачислении в их ряды его в первую же ночь в лучшем случае ждет только изнасилование. Мытарства дезертира продолжались, доводя бедолагу Парда до отчаяния. Через шесть дней ночевки с бродягами Пард мало чем отличался от постоянных обитателей дна. И все равно в грязном лохматом оборванце даржанцы безошибочно узнавали оньге. И гнали отовсюду прочь. Пард, стиснув зубы, продолжал сражаться за свою жизнь, он был упрямым человеком и не привык отступать.

Но злой бог судьбы снова решил потешиться за счет смертного, который даже не верил в него. В тот день, когда ему наконец-то повезло и седой длинноусый бригадир каменщиков после долгих уговоров сжалился, наняв Парда подносить кирпичи, тот свалился в яму и сломал ключицу. Случилось это несчастье в полдень, и никто, разумеется, платить за полдня работы Парду не стал.

Плакать было бесполезно, Пард прекрасно понимал, что до тех пор, пока его плечо не срастется, работы ему не найти. А следовательно, к тому времени без денег он подохнет от голода. Чего-чего, а здравого смысла Парду всегда доставало, и теперь глас рассудка возвестил, что настало время запрятать свою гордость подальше в глубь организма и идти на поиски гостиницы «Грифон». Название само всплыло в его памяти, хотя оньге честно старался забыть слова, брошенные эльфом перед расставанием: «Случится нужда – ищи меня в «Грифоне». Как в воду глядел остроухий. Верно знал, что в Дарже оньге не любят. Знал, но специально ничего, ни словечка не сказал.

Эльфийский район Даржи наверняка строился не один век, потому что занимал он целый холм на правом берегу Дой. Из года в год, из века в век там селились эльфы, и не только из Фэйра или из Даррана, но и из далекой Валдеи. Поближе к ним старались держаться и потомки от смешанных браков. Это был целый город в городе, хотя специально никто стеной его от остальной Даржи не отгораживал. Просто по одну сторону от узкой полосы ургезарских садов жили эльфы, а по другую – все остальные. Улицы в эльфьем квартале были чистые, дома выкрашены во все оттенки синего и голубого, а деревьев и цветов имелось больше, чем где-либо еще в Дарже. Пард впервые видел образцы эльфьих построек: дома не выше двух этажей, витражные окна, балконы и непременно внутренние дворики, заставленные здоровенными горшками с розовыми кустами, – и, говоря откровенно, они ему понравились. По крайней мере здесь по улицам не бегали стаями жирные крысы, как в любом оньгенском городе, а кучи отбросов не заполняли все возможное пространство между домами. Что-что, а даже до самого твердолюбного оньге, к которым Пард себя не относил, уже должно было дойти, что приятнее жить в уютном домике в тени громадного ксонга среди нелюдей, чем в грязи и нечистотах, но зато среди соплеменников.

Встречные эльфы с кулаками и ножами на оныгье не бросались, лишь провожали недоуменными взглядами грязного оборванца, неведомо как попавшего в их ухоженный и благоустроенный мирок.

Долго блуждать в поисках «Грифона» Парду не пришлось. Яркие вывески с черным силуэтом волшебной твари с львиным телом и орлиными крыльями за два квартала оповещали прохожих о всех возможных достоинствах гостиницы, начиная от изысканной кухни и заканчивая вежливостью слуг да ночными развлечениями. Мрачный и усталый, Пард притопал к порогу «Грифона», на ступенях которого застыл молодой парень-полуэльф. А может, и не молодой. Кто знает, сколь долгий век потомков смешанных браков.

– Тебе чего надо? – осведомился не слишком любезно привратник, измерив Парда придирчивым взглядом и оставшись увиденным недоволен. Бродяга с подвязанной к груди рукой и с секирой за поясом доверия ему не внушал.

– Эльфа одного ищущ. Ириеном его звать, – пробурчал Пард.

– Какого еще Ириена? – подозрительно фыркнул привратник.

– Того, что по прозвищу Альс. С двумя мечами, – терпеливо пояснил оныгье. – Он недавно у вас поселился.

Видимо, паренек оказался слишком молод, чтобы с ходу определить в прищельце оныгье. Для него, слава всем сущим богам, Пард был только человеком.

– Жди меня здесь, пока я спрошу. Как тебя звать, человеке?

– Аннупард Шого, – назвал тот, морщась от боли в руке.

Привратник шмыгнул за дверь, а Пард уселся прямо на холодные каменные ступеньки. Гордость его забралась в самый дальний уголок души и не подавала никаких признаков жизни. Он бы не удивился, не пожелай эльф его видеть. В последнее время судьба с оныгье особо не церемонилась.

– Заходите, господин Шого, – позвал его полуэльф, словно по волшебству всем своим видом излучая доброжелательность.

Внутри гостиница в эльфийском районе ничем не отличалась от других подобных заведений, что по эту, что по другую сторону Вейсского моря. Большой трапезный зал с длинной стойкой, распахнутый зев очага, столы, покрытые полотняными скатертями, и резные скамьи. Широкая лестница вела на открытую галерею второго этажа, куда выходили двери комнат постояльцев. Единственная разница состояла в том, что вдоль стен не выстроились шеренги старых бочек с вином. Стоя на пороге, Пард невольно втянул голову в плечи под прицелом десятков пар глаз. Появление оныгье в эльфийской гостинице вызвало у посетителей если не потрясение, то стойкое и нескрываемое изумление. Особенно смущала Парда гробовая тишина, воцарившаяся с его приходом. Даже шустрые подавальщики замерли на месте с разинутыми ртами. Немая сцена длилась до тех пор, пока из-за столика в углу не встал высокий эльф с платком на голове.

– Пард, я здесь! Проходи, не стесняйся, – сказал он и добавил достаточно громко, чтобы услышали все, обращаясь к своему сотрапезнику, светловолосому улыбающемуся эльфу: – Это он, Унанки. Этот человек спас мне жизнь в Китанте.

Только по голосу да по шрамам на лице Пард и признал Ириена Альса. Он уже не выглядел доходягой, да и одежда на нем была не с чужого плеча, а дорогая и добротная. Раны на лице и руках затянулись без следа. И только подрезанные волосы были тщательно убраны под шелковый зеленый платок. Провожаемый недоуменными взглядами, Пард осторожно приблизился к столику Ириена. Кроме светловолосого Унанки за столом сидели еще две девицы сомнительного происхождения – рыженькая и блондинка.

– Что с тобой приключилось, Пард? – спросил с неподдельной тревогой Ириен. – Да садись, садись, не торчи столбом. Никто тебя тут и пальцем не тронет.

Пард плюхнулся на лавку и принялся рассказывать про свои злоключения, не преувеличивая неприятности и не жалуясь на неудачи. Ириен слушал внимательно, не перебивая, но и не выражая сочувствия. Лицо его оставалось непроницаемо, как стена. Потом он сделал жест, подзывая слугу, и приказал подать обед для его гостя, а к нему пиво.

– Все бы ничего, но вот только плечо... – пояснил Пард, показывая на свою перевязь. – Денег нет ни на лечение, ни на травы, и выходит, что лишь ты можешь мне помочь. Так как?

– Я сделаю все, что в моих силах, Пард, – пообещал эльф серьезно. – Ты пока поешь, а потом я гляну на твою руку. Если у меня не выйдет, то местный целитель точно справится с твоим переломом. Видишь, как он мне помог.

Ириен продемонстрировал свои руки, выглядевшие полностью здоровыми, за исключением только отсутствия нескольких ногтей. Эльф ловко покрутил в руке вилку, заставляя ее быстро сновать между пальцами, точно живую.

– С ногтями ничего не вышло, а так – полный порядок, – похвастался он, довольно улыбаясь. – Ага, вот и наш обед.

Кормили в «Грифоне» отменно, в чем Парду довелось убедиться на собственном приятном опыте. Суп с, какими-то пахучими корешками и грибами, курица под остро-сладким соусом и салат исчезли в его луженой глотке с ошеломляющей скоростью, следом отправилось пиво, и ослобившийся от еды и питья онгье позволил себе расслабиться.

– Спасибо, – выдавил он из себя, не зная, куда деваться от смущения.

– Не за что, – легко бросил в ответ эльф.

Ириен словно и не удивился совсем Пардову появлению. Как будто совсем недавно тот громогласно не отказывался от его общества. То ли эльф оказался незлопамятный, то ли что-то подобное он с самого начала и предвидел.

– Даржа оказалась не слишком гостеприимным городом, – уклончиво пробурчал Пард.

– Еще бы, – отозвался У нанки, не скрывая некоторого злорадства. – Полгода назад, после налета онгьенских пиратов на Муварак, в порту вздернули двух ваших попов. Тебе еще повезло, онгье.

Красотки согласно закивали и поведали историю про публичную казнь мародеров, схваченных в пострадавшем городке за подлым грабежом и смертоубийством, наперебой живописуя кровавые подробности расправы. Ириен только поморщился, но промолчал, а более резкий и непосредственный в проявлениях чувств Унанки посоветовал девушкам попридержать свои языки. В ответ болтушки показали ему свои розовые язычки и объявили, что он противный зануда. Пард наблюдал шутиливую перепалку и, с удивлением для самого себя, подумал, что нечто похожее часто происходило в трактире в его родном поселке, когда Пардов закадычный дружок, Корди, выставлял выпивку местным шлюшкам – девушкам негордым и падким на страшные и кровавые истории. И если закрыть глаза, то словно переносишься на несколько лет назад, в счастливейшие годы юности, когда пареньку по имени Аннупард и во сне не мог присниться обед в компании с эльфами в далеком южном городе. Еще меньше он поверил бы в то, что эльф станет лечить его покалеченное плечо, да еще с помощью самого настоящего волшебства.

Комната Ириена оказалась просторной, и не столько размерами, сколько из-за почти полного отсутствия мебели. Низкая кровать да массивный сундук возле окна, выходящего в сад. Никаких шкафов, буфетов, кресел и широченных столов, которыми были заставлены дома в Онгьене вне зависимости от достатка обитателей. В богатых домах мебель была дорогая, из ценных пород дерева, резная или даже позолоченная, в бедных – простая и грубая. Но неизменно все внутреннее пространство онгьенских домов было заполнено настолько плотно, что и двоим жильцам разминуться в одной комнате сложно. Ириен усадил Парда на сундук и долго рассматривал его плечо, осторожно и невесомо водя по коже пальцами.

– Тебе повезло. Перелом простой, – объявил он. – Будет больно – скажешь.

Но больно не было, Пард почувствовал только неприятный холодок, когда эльф накрыл ладонью место перелома, посиневшее и распухшее, и чуть нараспев промурлыкал какое-то заклинание. Он ожидал чего-то большего, чего-то по-настоящему колдовского, но магия Ириена оказалась неброской и не сопровождалась искрами синего огня. Как несостоявшийся лекарь Пард был разочарован, но как пострадавший страшно обрадовался, когда по окончании целительства смог свободно двигать рукой.

– Побереги ее еще пару дней, чтобы спала опухоль, а синяки разошлись, – посоветовал Ириен, довольный своим успехом.

– Я знаю. Лихо у тебя вышло. Прямо завидки берут. Мы как-то полгода не могли одной старой карге срастить лодыжку, – признался Пард. – Ты мог бы зарабатывать целительством.

– Я плохой целитель, а тебе повезло, что у меня все получилось как надо. Видел бы ты, какие чудеса творит Кетевиль. Верить, он залечил мои руки буквально за какой-то час. А еще он на моих глазах затянул ножевую рану в животе у одного бедолаги. Впрочем, настоящему, истинному целителю, хоть эльфу, хоть человеку, под силу гораздо большее. А я так... балуюсь.

– И «баловство» твое неплохо получается, – осторожно похвалил Ириену онгье. – Спасибо тебе.

Ириен неопределенно пожал плечами. Между ними повисло неловкое молчание. Парду хотелось сказать что-то хорошее, поблагодарить щедрее, но подходящие слова ускользали из головы, а чем больше он напрягал извилины, тем гуще становилась каша в мозгах. Сказывалось отсутствие навыка выражать благодарность нелюдям.

– Ну, ты... значит... зла на меня не держи... Ириен. Привычки, они иногда сильнее нас самих будут. За один раз и не избавишься. Ну, ты понимаешь, о чем я?

– Ладно, забыли, – прервал мучительный для обоих разговор эльф. – Я тоже был не самого лучшего мнения об онгье и успел трижды попрощаться с жизнью, когда увидел, кто вытащил меня из подвала. И очень даже удивился, когда ты вернулся за мной. Если уж мы говорим откровенно, то я не более тебя радовался твоему обществу. Может быть, только удачнее скрывал свои чувства. Мои привычки живут дольше, чем твои, как и мнения и о людях в целом, и об онгье в частности. Но ты пришел ко мне за помощью, а значит, хоть немного мне доверяешь, несмотря ни на что. И я, в свою очередь, тоже тебе благодарен.

– За что?

– За доверие. Я не уверен, что смог бы прийти к тебе, случись со мной беда.

Тут Пард прекрасно мог эльфа понять. Он даже обрадовался, что столь невозмутимое создание, как Ириен Альс, может, оказывается, испытывать простые человеческие чувства приязни и неприязни.

– Значит, мы смогли друг другу помочь. И это хорошо... В смысле, когда люди доверяют один другому, – сказал Пард и, немного подумав, добавил: – Даже если они и не совсем люди.

– Или совсем не люди, – усмехнулся Ириен. – Я тут хотел предложить тебе одно дело. Раз твоя рука теперь в порядке...

– Какое? – оживился Пард.

– Помахать своей секирой, разумеется.

Онгье довольно хохотнул. Наконец-то хоть какой-то просвет в череде неудач и несчастий.

– Это дело хорошее.

Сквозь сон Пард слышал, как приглушенно разговаривали эльфы. Конечно, он не понимал ни слова на их языке, но нетрудно было догадаться, что Унанки не в восторге от выбранного Ириеном напарника. В его голосе преобладали металлические нотки, и Пард только диву давался, как эльф умудряется достигать такого эффекта на языке, состоящем почти из одних гласных и апострофов. Ириен отвечал без всяких эмоций, почти равнодушно, словно разговор его почти не касался.

После ночи, проведенной в относительном покое, под настоящим одеялом и с подушкой в придачу, глаза открывать не хотелось. Пусть хоть по спине толкнутся эти говорливые эльфы, но Пард намеревался поспать столько, сколько сможет.

– Похоже, твой оньгьенский друг уже не спит, – заметил его шевеление глазастый Унанки. – *Инкаал ов коми и насса, оньгье*. Доброго утра и щедрого дня тебе, оньгье.

Если очень захотеть, то неприязнь светловолосого эльфа можно было бы маслом мазать на хлеб. Он восседал на широком подоконнике и всем своим видом изображал недовольство. Честно говоря, Пард не слишком на него обижался, еще неизвестно, как бы он сам повел себя на месте Унанки. Тот еще что-то сказал на эльфийском, но Ириен перебил его на полуслове.

– Говори на общем, чтобы Пард тебя понимал.

Унанки развел руками. Мол, как скажешь, ты сам этого хотел.

– А что я могу еще добавить ко всему вышесказанному? Нам этот человек не нужен. Ты благодарен ему за спасение? Прекрасно! Я тоже благодарен. Но не более того. Дай ему денег, посади на корабль, плывущий в сторону Оньгьена, вырази свою признательность другими способами, но необязательно посвящать его в наши дела. Тебе достаточно свистнуть, чтобы дюжина отличных эльфийских парней носом землю рыла по твоей команде.

– Леди Чирот не станет вести дела с командой из одних только эльфов, – заметил в ответ Ириен. Похоже, он не слишком внимательно слушал своего соплеменника.

– Леди Чирот плевать на все, лишь бы дело решилось в ее пользу, – отрезал Унанки. – Или ты думаешь, что в ее глазах наличие в отряде оньгье прибавит нам веса? Ну так ты ошибаешься, Ирье, она не прибавит за него ни единого серебряного литтана.

Эльф измерил полулежащего оньгье ледяным взглядом, словно впервые обнаружил его присутствие. Еще никогда Пард не ощущал себя более ничтожным созданием, полным дерьма и еще чего-то похуже. Зеленые глазищи Унанки сверкали, на скулах полыхали алые пятна, и, похоже, он едва сдерживался, чтоб не выкинуть наглого человечишку напрямиком в окошко.

– Запомни, человеце, я не столь благодушен, как наш общий друг Альс. Я имею на оньгье зуб такого размера и возраста, что ты себе и представить не можешь. Они мне изрядно насолили в прошлом. Из-за оньгье я провел два незабываемых года за галерным веслом, – прошипел он.

– Успокойся, Унанки! – рявкнул вдруг Ириен. – Это не Пард сослал тебя на галеры, и не он бил тебя кнутом на палубе, и не он морил голодом в вонючем трюме. Но никто не заставляет тебя возлюбить господина Шого.

Несколько томительно долгих мгновений эльфы буравили друг друга гневными взглядами, и Пард не решился определить, кто в этом безмолвном поединке одержал победу. Ириен отвернулся, а Унанки бесцветным голосом пробурчал себе под нос:

– Знаешь, я, пожалуй, пойду погуляю, а ты пока разберись со своим знакомым.

И чуть ли не бегом выбежал из комнаты.

Не промолвивший ни слова Пард не знал куда деваться. Встревать в разговор двух эльфов, знакомых один бог знает сколько лет, он не посмел. Ругались-то из-за него. Выход был только один – быстрее смыться, тем более что теперь он здоров. Кое в чем этот Унанки прав. Ведь не на Дарже свет клином сошелся? Есть в мире и другие города и страны, где всенародная «любовь» к оньгье не так остра. Пард осторожно вылез из-под одеяла и стал собираться. Вертеться перед носом у аккуратно одетого эльфа в одних рваных подштанниках ему не хотелось. Ириен же, в свою очередь, внимательно изучал что-то за окном, словно забыв о Пардовом существовании напрочь.

– Я пойду... тогда.

Эльф очнулся от невеселых раздумий и с некоторым удивлением воззрился на оньгье. Словно видел впервые.

– Куда это тебя несет? Унанки испугался?

– Почему испугался? Совсем не испугался. Но если такое дело... – промямлил Пард.

– Какое такое дело? – фыркнул Ириен. – Унанки от тебя отличается только тем, что ты ненавидишь эльфов, так сказать, заочно, а он имел удовольствие столкнуться с твоими сородичами лично. Сначала они переломали ему руки и ноги, а потом заклеямили и продали в рабство. На галеру к аймолайцам. Два года быть прикованным к веслу Унанки не понравилось. Так что любить людей, а в особенности онгыё, ему не за что. Поэтому я и хочу, чтобы ты присоединился к нашему небольшому отряду.

– Это еще зачем? – подозрительно спросил Пард.

– В основном в корыстных целях. Ты все-таки профессиональный воин, и махать секирой у тебя получается лучше всего прочего. Пока. А если взглянуть иначе, то вам обоим будет полезно познакомиться поближе. Унанки научится находить общий язык с людьми, а ты – не чураться нелюдей.

От такой наглости у Парда потемнело в глазах. Он-то считал себя достаточно взрослым, чтобы самому решать, чему ему необходимо учиться, а чему нет. Вот потому-то люди и не любят водиться с эльфами. Те все время норовят воспитывать, поучать и всячески переделывать всех и вся, кого вокруг себя видят.

– Тоже мне, воспитатель выискался! – взорвался праведным негодованием онгыё. – Ты меня спросил, хочу я с твоим дружкой водиться? Очень мне нужен твой галерный эльф! Отчего вы вечно лазите к нам со своими науками, господа эльфы? Мы прекрасно без вас разберемся, с кем дружить, а с кем воевать.

– Ты уже разобрался, – хмыкнул Ириен. – Иди куда хочешь. Я тебя держать насильно не стану. Но помни, что такой шанс изменить всю свою жизнь дается только раз. И Унанки здесь повезло гораздо больше, чем тебе. Он еще успеет узнать людей получше, оценить то хорошее, что есть в вашей расе, понять, в конце концов. Что для него каких-то пятьдесят-семьдесят лет? А в твоём коротком существовании такой возможности больше не приключится. Так и останешься до самой смерти дикарь дикарем.

Эльф говорил спокойно, словно вся Пардова жизнь лежала перед ним как на ладони и будущность онгыё не представляла никакой загадки. И самое печальное заключалось в том, что проклятый нелюдь снова оказался прав. Путь в Онгыен заказан навсегда, но жизнь-то продолжается. Аннупард Шого молод и силен. Впереди лучшие годы, которые следует потратить с толком. Да и не может быть, чтобы злой бог судьбы свел пути солдата-дезертира и полумертвого эльфа просто так. Если это не шанс, то что же тогда?

– Надо подумать, – проворчал онгыё.

– Думай сколько угодно.

– Если только твой дружок меня исподтишка ножиком не пырнет...

– Не пырнет, – заверил с самым серьезным видом Ириен.

Сад, посаженный еще отцом нынешнего хозяина «Грифона» – господином Ассинтэром, успел состариться, зарости кустами дикой розы, и от первоначальной задумки остался только маленький пруд с мелкими пестрыми рыбками. Плиты дорожки, ведущей к нему, раскрошились по краям и местами даже раскололись под напором травы. Место получилось романтическое, и хозяин гостиницы – бесподобный господин Ассиарити за символическую плату предоставлял его для свиданий, со своей стороны обеспечивая парочке надежную охрану и сохранение тайны. Ириен его прекрасно понимал. Грех не воспользоваться такой изумительной красотой и немного на ней не заработать. Но сейчас был день, и широкую мраморную скамью под густыми ветвями старой ивы совершенно бесплатно занимал Унанки. Он на ней лежал в самой расслабленной позе и прилагал героические усилия к разжиганию в себе обиды на Ириена. Получалось не очень, на что, собственно, тот и рассчитывал, памятуя про отходчивый, легкий нрав старого друга.

Ириен бесцеремонно сбросил ноги Унанки на землю и опустился на освободившееся место. Ноги у друга были длинные.

– Ага, явился! – злорадно ухмыльнулся он. – Всего онгыѐ обцеловал или осталось еще чуток?

– С каких это пор я должен оправдываться в собственных поступках?

– От тебя дождешься, – огрызнулся Унанки. – Делай что хочешь. По большому счету мне совершенно безразлично, сколько времени тебе понадобится, чтобы вдоволь наиграться с этими существами. Ты взрослый и наверняка сумеешь разобраться, что к чему, раз тебе оказалось мало двух сотен лет. Я, например, выучился только одному – держать запасной нож наготове, если рядом крутится человек.

– Тогда я не вижу существенной разницы между тобой и уроженцами Святых земель. Вы с Пардом словно братья-близнецы во всем, что касается нетерпимости к чужакам. В таком случае скажи мне, что ты делаешь так далеко от границ Фэйра? Здесь Даржа и полным-полно людей, столь презираемых тобой.

Унанки опасно сощурился, встретясь взглядом с Альсом. Он уже не был так благодушен, как мгновение назад. Слова друга задели его за живое.

– Ирѐ, я знаком с людьми и их повадками ничуть не меньше твоего. С некоторыми дружил, кое-кого даже любил, а возможно, и люблю. Но это не значит, что я не вижу их истинной сущности. И дело не в том, что они по сути своей неблагодарные свиньи и, сколько ни делай им добра, сколько ни помогай, они норовят залезть поглубже в грязь. Мне насрать на их благодарность! Не знаю, как у тебя, а у меня накопилось множество примеров, если хочешь, доказательств правоты своей теории. Я целый год делил скамью и весло с человеком, мы ели из одной миски, и били нас надсмотрщики тоже на пару, но, когда я задумал побег, он сразу донес. Я только потому и пережил порку с солью, что пороли нас опять-таки вместе. Он орал, а я хохотал. Он сдох, а я выжил. В следующий раз я был умнее и в сообщники взял орка из «ночных» и не прогадал. Ты сам совсем недавно побывал в подобном положении. Некоторые из них очень любят издеваться над животными, избивать собак, мучить кошек, – это часть их натуры. И тот выродок, который с таким удовольствием пытал тебя, – он запросто низвел тебя до уровня скота, потому что сам никогда не поднимался выше. Присмотрись получше, и ты увидишь, что все они слеплены из одного теста. Прирожденные мучители, предатели и насильники.

Пресловутая эльфийская сдержанность покинула Унанки, он вскочил со скамейки и заметался между ивой и прудом. Давнее свое унижение, позорные годы рабства, сами воспоминания он до сих пор переживал болезненно. На чистом высоком лбу не осталось и следа от грубого клейма, сошли шрамы от кандалов, отросли волосы, но эльфу по ночам снились безумное солнце, ненавистное весло, бой барабана и свист бича. Унанки никого не желал понимать и никого не собирался прощать.

– Ты во многом прав, Джиэс. Может быть, даже во всем. Но видишь ли, в чем дело, мы все друг друга стоим. И люди, и эльфы, и орки, – сказал Ириен и показал на свою правую щеку. – Вот это мне сделал не человек, а эльф. В высшей степени честный и устремленный исключительно к добру эльф, гордость расы. Зудят ли меньше мои шрамы оттого, что их нанесла рука многоуважаемого сородича? Ничего подобного. Но и больнее мне не становится. Потому что я сделал из своих злоключений только один вывод. Прямо противоположный твоему. Я предпочитаю уважать и любить чистокровного эльфа по прозвищу Унанки – тебя, Джиэс, а не всю свою расу в целом. И еще я, не питая особой привязанности к людям в целом, вполне уважаю и ценю простого онгыѐ Аннупарда Шого, достаточно гуманного для того, чтобы спасти от смерти обычного эльфа Ириена Альса, невзирая на все отвращение, которое он, несомненно, испытывал ко мне, руководствуясь лишь собственными понятиями о милосердии.

Ириен задумчиво почесал шрамы на лице. Они с Унанки слишком давно знали друг друга, чтобы таить обиду или недоговаривать в откровенном разговоре, который и так назревал уже очень давно. Примерно лет сто. Они оба были рады, что он наконец состоялся. Хотя в отношениях двух эльфов разговор этот мало что менял. Представь Ириен онгье просто как своего друга, и Унанки принял бы сей факт как данность. Ему достало бы простого пояснения, чтобы отодвинуть свои обиды в дальний уголок души и никоим образом не проявлять своих истинных чувств. Пард бы сроду не догадался о том, что эльф совершенно не рад знакомству. Точно так же поступил бы Ириен, доведись ему водиться с приятелями Унанки. Их дружба была много важнее всего остального.

– Я приму любой твой выбор, – улыбнулся Унанки после недолгого раздумья. – Извини.

– Тебе не за что извиняться, Джиэс. Все, что ты сказал, – это правда. Но только часть истины.

– Ты умеешь утешить, когда хочешь. Только не заставляй меня нянчиться с твоим онгье.

– Вот этого как раз и не потребуется.

Ириен задумчиво поглядел на друга. Прозвище Унанки – Легкий как Перышко – возникло не просто так. Легкий характер, деятельная натура и страсть к бродяжничеству были сутью Джиэса еще в те годы, когда они оба были детьми. Позлится немного и отойдет, а через какое-то время они с онгье станут друзьями. Потому что Унанки, стоит узнать его по-настоящему, невозможно не любить, невозможно им не восхищаться. Потому что только встретив его в Дарже, случайно и неожиданно, Ириен наконец смог поверить, что черная полоса несчастий кончилась. Ведь легкий как перышко Джиэс одной своей лучезарной улыбкой приносил удачу всем и всегда. Когда-нибудь и Пард это поймет. А если не поймет, то обязательно почувствует.

Вот говорят, будто люди малочувствительны к невидимым ветрам грядущего. Верно ведь говорят. Потому что если бы Аннупард Шого, со спокойной совестью латающий свои сапоги на хозяйственном дворе гостиницы, смог ощутить шепот будущего, то, возможно, не был бы столь благодушно настроен. И не косил бы глазом на хорошенькую, как принцесса, эльфийскую барышню, словно нарочно гулявшую из стиральни в сушильную и обратно. И не чесал бы за ухом толстого белого кота – любимца господина Ассинарити. А скорее всего, бодро драпал бы в любом направлении от эльфийского квартала Даржи. А возможно, и нет. Может, неведение вовсе и не порок людской, а настоящее благо? Спросить-то не у кого. Разве что у толстого лентяя кота.

– Как думаешь, зверь, неспроста ведь мы с Альсом встретились?

Кот хамски улыбнулся в ответ.

– Вот и я думаю... эльфы просто так на дороге не валяются...

– Он тебя не слышит, – сказал незнакомый голос над головой.

Пард поднял голову и застыл каменным изваянием. На него смотрел орк. Обычный орк, смуглый и красивый парень с искристыми янтарно-золотистыми глазами и жемчужной улыбкой. Только без татуировки на щеке. Совсем.

– Рики-Тики – глухой, – пояснил орк.

– А?! Да я знаю... у него глаза голубые... – промычал онгье.

Орк рассмеялся и погладил кота по спинке. Хвостатый конформист мгновенно сменил фаворита, принявшись усердно тереться о штаны орка. Благо белая шерсть на песочно-желтой ткани не так заметна.

– Ты Ириена не видел?

– Он... наверное... в саду.

– С Унанки? Ну, тогда я его здесь подожду. Не возражаешь?

– Нет.

– Меня Сийгином звать, а тебя?

– Аннупард Шого, – ответил сбитый с толку оньгье и без колебания протянул руку для пожатия.

Рука у орка показалась ему гораздо горячее, чем у людей.

– Ты крепкое пиво-то хоть пьешь? – с надеждой в голосе спросил новый знакомец. – А то с этими эльфами и не выпьешь как следует.

– Пью, конечно. Хорошее пиво?

– Отличное! – обрадовался орк. – Потом я тебя угощу. В честь знакомства, так сказать.

– Благодарствую... если тебя не смущает, что я... оньгье.

– Если тебя не смущает, что я – эш.¹

– Не смущает, – заверил его Пард решительно.

Сийгин по-свойски хлопнул его по плечу.

– Вот и наши идут! – воскликнул он.

И в обморок оньгье падать было поздно.

Оно так всегда и бывает, стоит только глянуть дальше собственного носа, оторвать морду от родимого, до мозга костей понятного «корыта», и возврата уже не будет.

И вот ты сидишь на задворках эльфячьей гостиницы в компании с орком, а через двор к тебе идет высокий, как мачта корабельная, улыбчивый тангар в компании с не менее высоким и добродушно настроенным эльфом. И ты отчетливо понимаешь, что жизнь твоя изменилась навсегда.

¹ Эш – дословно «недостойный». Орк, отказавшийся от своей касты, лишенный обязательной татуировки на лице (язык логри).

Глава 2

ЛЕГЧЕ ПЕРЫШКА...

Благие намерения, которыми мостят дорогу в ад, на самом деле не такие уж и благие.

Джиэссэнэ, эльф

– Ах, несравненная, вы слышали историю про то, что у одной белокурой леди была верная рабыня, которая никогда не покидала свою госпожу, ни днем, ни ночью.

– Что вы говорите?!

– О да! Рабыня ходила за госпожой в купальню, в отхожее место, на базар и во дворец и все время нашептывала ей что-то на ухо. Все время.

– Как интересно!

– И вот случилось несчастье.

– С кем?

– Да слушайте же. Пришел как-то к госпоже цирюльник сделать прическу. И вот бы ему взяться за дело, как рабыня тут как тут, и вертится вокруг хозяйки, и крутится, и делать ничего с ее чудными волосами не дает. Помаялся цирюльник, да и решил схитрить. Сказал рабыне, чтоб сбегала быстренько в соседнюю комнату да принесла золотые ножницы. Та убежала искать, но задержалась, потому что ножницы были у мастера в кармане. И вдруг высокая госпожа как посинеет, как упадет...

– И?

– Померла белокурая дама в одночасье. А тут прибегают служанка и давай причитать и рыдать, кричит, что она хозяйке чего-то главного не сказала. А цирюльник спрашивает у нее, мол, а что главное-то. А та и отвечает: «Вдох – выдох, вдох – выдох!»

И две ядовитые змеищи, увешанные царственными рубинами, ну просто покатываются со смеху так, словно обе слышат эту старую байку впервые. А ведь наверняка они услышали эту, с позволения сказать, историю еще в том году, когда Амиланд Саажэ ри-Нюэ-и-Этсо, Высокая леди Чирот сосала грудь кормилицы и писалась в пеленки. Пусть себе тешатся, дуры набитые, раз кроме злословия им ничего и не осталось. Ни красоты, которой, к слову сказать, и не было никогда, да и быть не могло, ни ума, который, как известно, явление у женщин из рода Саамей редкостное, как синий бриллиант, не говоря уже о такте и достоинстве.

Всем и каждому известно: в стране, где золото женских волос есть чудо дивное, а у большинства красавиц кудри чернее безлунной ночи, придумано столько гнусных баек о скудоумии блондинок, что для пересказа всего арсенала выдумок не хватит и двух тысяч ночей. Сделано это исключительно из тех соображений, чтобы утешить безутешных и хоть как-то исправить несправедливость природы, дарующей истинную красу со скупостью потомственного аймолайского ростовщика.

Даже в бирюзовых шелках, тонких и нежных, леди Чирот выглядела так, словно законана была в эльфийские непробиваемые доспехи, броня собственного достоинства укрывала ее, точно алмазный панцирь ушедших богов. И жаркие мужские взгляды скатывались по тонкой шее в глубокую ложбинку меж высоких грудей, ласкали осиную талию и замирали на крутой округлости бедер. А бирюзовый шелк не скрывал ничего: ни бугорка, ни впадинки, ни изгиба, ни складочки, – и даже нагота не была бы столь зовущей и столь откровенной, как это

драгоценное платье, расшитое по подолу золотой нитью. А обжигающие неуголенной страстью взгляды – словно невидимая вуаль, словно сладкая и непременно добавка к шлейфу ее духов.

Никаких диадем, никаких венцов. Зачем, если есть истинное золото кос, уложенных так прихотливо и изысканно? Словно и не обычный это волос, а заморское украшение, шлем воительницы и корона одновременно. Сапфир и золото. Глаза и волосы. Истинная дочь своих родителей, наследница сорока пяти поколений предков, среди которых были даже императоры, знающая шесть языков, сестра самого могущественного человека в Дарже, и прочее, и прочее. А вы говорите – блондинка! Ну да, и блондинка тоже.

Пока она шла к трону Великого князя, каждый пружинящий шаг Высокой Чирот отзывался злобным шипением женщин и тяжелыми вздохами мужчин. Эти звуки сопровождали ее почти всю жизнь точно так же, как шелест волн был всегда слышен из окна ее спальни. Амиланд привыкла настолько, что попросту не замечала ни того, ни другого. Она вообще многого из того, что было ниже ее достоинства, не замечала.

– Богоравный...

И поклон, низкий, церемонный и безупречный с любой точки зрения. Этому Амиланд учили с того дня, как она научилась ходить. Достоинство, честь и верность, слившиеся в едином движении.

– Поднимись, лилейная Амиланд.

У князя имелся только один недостаток в глазах леди Чирот. Он был слишком умен, чтобы принимать ее показное смирение за чистую монету.

Великий князь... Смуглое лицо, длинный нос, бородка, скрывающая мужественный подбородок, черные маслины глаз под тяжелыми веками, чуть раскосые и совсем капельку блудливые. И, конечно, золотой венец над высоким лбом.

«Твое величие, богоравный, держится на могуществе высокого светловолосого мужчины с гордым и холодным профилем, занимающего место по правую руку. Твоя власть покоится на его уме и наглости, о которой уже, должно быть, слагают легенды бродячие салуки».

Амиланд старалась не глядеть на брата, во всяком случае, не поднимать глаза выше его груди. Ей хватало вида скрещенных ладоней и широких бирюзовых браслетов на мощных запястьях. Такие руки свидетельствуют о природной силе, а природа не обидела Кимлада ни в чем.

– Если меня не подводит память, то ваша старшая дочь уже вошла в возраст женственности, Лилейная.

– Да, это так, светлейший.

«Наша дочь», – мысленно поправила она.

– Значит, настало время определить ее дальнейшую судьбу?

Амиланд промолчала, старательно прибив улыбку к губам здоровенными гвоздями своей воли.

«А ты, видно, уже все определил, драгоценный мой».

– У меня есть на примете несколько прекрасных семей, которые мечтают породниться с семьей Чирот, – продолжал князь, глядя куда-то поверх головы Амиланд.

«Под какого старого ублюдка ты решил ее подложить?!»

– Что же касается вашего сына...

«Нашего сына!»

– ...то я бы хотел видеть его среди своих пажей. Он уже достиг подходящего возраста?

«Можно подумать, ты не знаешь, скотина?»

– Да, светлейший.

– Разумеется, это всего лишь мои пожелания, но согласитесь, леди Амиланд, они вполне разумны.

– Совершенно согласна с вами, Богоравный. Стоит ли слабой женщине спорить с вашей мудростью? – Амиланд улыбнулась сюзерену, делая над собой неимоверное усилие, чтоб он не

догадался о ее истинных чувствах. Впервые в жизни для этого понадобились все силы и весь опыт придворной дамы. – На все пребудет ваша воля, светлейший, – отчеканила леди Чирот, глядя прямо в глаза своего единоутробного братца. Если бы взгляды могли убивать, он бы уже корчился в агонии, исходя кровью и криком.

– Я счастлив это слышать.

Опять нижайший поклон, пять шагов назад, еще поклон, уже менее подобострастный, и стремительное исчезновение из поля зрения Великого князя. Со своего места заслуженного предками, веками служившими верой и правдой властителям Даржи, Амиланд прекрасно видела родича.

«Демоны тебя побери, Кимлад! Не смей так поступать с МОИМИ детьми! Не смей жертвовать их судьбами и жизнями во имя твоих замыслов и целей!»

Брат, как всегда, почувствовал ее неистовый свирепый взгляд и ухмыльнулся краешком чувственных губ. Это почти неуловимое движение, такое знакомое и ожидаемое, охладило пыл леди Чирот.

«На этот раз тебе не переиграть меня, сокровище мое», – пообещала она мысленно. Им обоим.

Кимлад в искристо-белых атласах – это зрелище, достойное богов, зависть демонов всех девяти преисподен и мечта тысяч женщин и мужчин. Струющаяся ткань прикрывает пять л'те² самой великолепной плоти в Великой Дарже. Скольким скромницам снятся эти широкие плечи в жарких снах? Без счета. Впрочем, это еще полбеды, если бы только дамы млели при виде Кимладовых достоинств. А то ведь глядеть противно, как собственный, пред богами и людьми супруг томно вздыхает и ведет себя хуже портовой девки, напропалую кокетничая с шурином. Тьфу! Похоже, до сей поры Кимлад не успел развратить лишь кошачьи статуэтки Турайф. Одно только и тешит самолюбие леди Чирот – что свое восхождение к вершинам любовных побед братец начал в ее спальне. Это непристойное первенство казалось Амиланд некой компенсацией за моральный ущерб и душевную боль.

«Я досталась тебе двенадцатилетней девственницей, выродок. Ценишь ли ты это? Сомневаюсь», – размышляла она, подливая себе еще вина. Почти черного и такого же густого, как та смола, которую воскуряют во имя Двуетного, принося жертвы Милостивому Хозяину. Жертвы... Сначала Кимлад пожертвовал ею, когда свел с наследником, затем пожертвовал собственной природой, когда совратил и его, потом пожертвовал жизнью жены и их родной матери, и все ради власти и возвышения. А теперь, надо полагать, настало время племянников.

– Кимлад!

– Чего тебе, сестра моя?

– Нам надо поговорить.

– Серьезно? – почти искренне удивился тот. – Виссель, дорогой, поди подожди меня в своей комнате.

Пародия на мужчину удалился без доли промедления, лишь бросив укоризненный взгляд на Амиланд.

– О чем будем говорить?

– Ну не о нем же, – проворчала женщина, кивнув в сторону притворенной двери. – Я все слышу, Висс! Убери ухо от щелки и марш в спальню!

Из коридора донесся дробный звук удаляющихся шагов.

– Тебе не противно? – Весь вид Кимлада был исполнен безгливости.

– Ты сам нашел мне такого мужа. О каком отвращении ты говоришь? Спроси об этом у самого себя. Главное, чтоб тебе не было противно.

² Л'те – мера длины (примерно 38 см). В данном случае – рост 190 см.

Кимлад расхохотался, откидывая назад свои светлые густые локоны.

– Это разные вещи. Одно дело видеть это убожество, а другое дело засаживать...

– Я обойдусь без подробностей, – перебила его леди Чирот. – Держи свою грязь при себе.

– Чем же я еще могу помочь?

– Я хочу знать, что ты задумал сделать с моими детьми?

– Прежде всего они дети Великого князя, потом уж твои, дорогая сестра.

– И все-таки?

– Есть возможность уладить давний конфликт с кланом Сфэлл...

– Что?! Вы оба спятили? Да ты хоть понимаешь, что это означает, дядюшка?

– На границе станет гораздо спокойнее.

– А что станет с Карсти, ты понимаешь?

– Ничего страшного. Она все-таки княжна.

– Байстрючка князя не может называться княжной.

– Я знаю.

– Тогда в чем смысл? Почему должны согласиться Сфэллы? Зачем это нужно тебе?

– Я отвечу на твои вопросы, сестрица, по порядку. Итак... смысл в том, чтобы на северных границах воцарился покой. Старший сын Сфэлл-кайо жаждет породниться с княжьей семьей. А у Дэго... прости, у Богоравного Дэгоннара нет другой родни женского пола, кроме Карсти. А мне это нужно, чтобы мои караваны могли ходить в Маргар без всяких препятствий. Тебе понятно, радость моя?

– Вполне.

– Чудесно. А теперь я допью это замечательное вино и пойду займусь твоим муженьком, пока он весь не упрел от нетерпения. Ты уверена, что не хочешь к нам присоединиться?

– Абсолютно.

– Ты многое теряешь, милая моя. Очень многое.

– Кобель! – рывкнула она.

– Подстилка! – в тон отозвался брат.

– Устрица!

– Корова!

С тех пор как Амиланд научилась говорить, каждый разговор со старшим братом заканчивался скандалом. В детстве еще и дракой, а теперь только словами, полными злобы. Только теперь Кимлад ее не насиловал, как бывало в юности. Боялся в одночасье стать евнухом. Девчушка уже в неполные четырнадцать не стала терять время даром и очень быстро научилась мастерски пользоваться острым обсидиановым ножом. У Кимлада, углядевшего, как Амиланд в День духов собственноручно безукоризненно вскрывает вену на шее жертвенного ягненка, не оставалось никаких сомнений в ее мастерстве. При этом она всегда смотрела ему в глаза. Неотрывно и пристально.

– У тебя нет выбора, – сказал Кимлад на прощание.

Леди Чирот промолчала в ответ, сделав вид, что ее интересует только пейзаж за огромным окном. А пейзаж был великолепный, что ни говори. Морская даль и покрытые лесом скалистые обрывистые берега.

– Пошел к демонам... – пробормотала она.

Вот так бы сидеть на подушках, прихлебывать вино и глядеть, глядеть и глядеть без конца в ночь, любоваться звездами и их дрожащим отражением в черной воде. А звезды над Даржой огромные, недаром ведь считается, что именно здесь небо ближе всего к земле. Как еще объяснить это алмазное великолепие?

Амиланд привычным жестом поправила прическу и поднялась с кушетки. Она не стала звать служанку, почитая новомодную манеру таскать за собой прислугу крайним идиотизмом. Она что, сама дороги в собственном доме не может отыскать? Бирюзовой шелковой тенью

Амиланд проскользнула длинными галереями в ту часть дома, где были комнаты детей. Карстана – старшая – спать еще не ложилась, вертелась перед огромным зеркалом, примеряя с помощью трех нянек новые платья. Высокая и гибкая смуглая девочка с глазами-маслинами, копия своего венценосного отца. Именно за это Амиланд ее и недолюбливала. Карсти родилась слишком рано, ее матери едва исполнилось пятнадцать, и никакой радости ее появление родительнице не доставило. Кимлад тогда заглянул в колыбельку, брезгливо приподнял пеленку и бросил через плечо:

– По крайней мере у тебя хватило ума родить от наследника.

Амиланд приказала перевязать себе грудь, отдала ребенка кормилицам и нянькам и пару лет не вспоминала о существовании Карсти. Потом она родила Милмада и возненавидела процесс деторождения настолько, насколько это вообще возможно. С той поры ее чрево было навсегда запечатано надежным заговором, обошедшимся ей... неважно, во сколько... очень дорого.

Леди Чирот понаблюдала за своей дочерью не без тайного удовольствия. Вполне сформировавшаяся девушка, красивая и избалованная. Кто-то будет счастлив обладать подобным сокровищем.

– Миледи...

Прислуга склонилась в низком поклоне при виде хозяйки. Девочка замерла и испуганно воззрилась на мать.

– Все вон.

Только шорох быстрых шагов.

– Твой дядя хочет выдать тебя за старшего наследника клана Сфэлл, – сказала Амиланд без всякого предисловия.

– За Идиго?

Ее наставнице следует поднять жалованье, решила Амиланд. Девочка делала успехи и уже вполне умела разбираться в том, кто есть кто в Дарже. И даже бровью не повела.

– Да. Идиго Сфэлл и-Марро вполне достойная кандидатура, но Сфэлл не пара для Чирот. Не так ли?

– Да, матушка.

– Я бы хотела тебе более выгодной партии.

– Вы правы, матушка.

– Скажем, против Валина Тнойфа я бы не возражала и против наследника Жиарри тоже.

– Как прикажете, – отчеканила Карсти без доли колебания.

Недаром ей с младенчества внушалась мысль о том, что родители распорядятся ее судьбой по своей воле, так, как должно. По большому счету Карсти было глубоко безразлично, кто станет ее мужем, красивый юноша или глубокий старец. После рождения наследника она станет вести такую же жизнь, как и ее мать. Менять любовников, тратить деньги на наряды и драгоценности, плести интриги и делать все что заблагорассудится.

– Я позабочусь о твоём будущем, дитя мое, – пообещала леди Чирот.

– Спасибо, матушка.

«Чтобы какой-то вонючий кочевник владел самой благородной девушкой в Дарже?! – мысленно фыркнула Амиланд, удаляясь. – Никогда!»

Сфэллы уж почти два столетия не кочевали, владели огромными землями и несметными богатствами, но старые аристократы все равно морщили носы за спиной у разодетого в атлас Сфэлл-кайо, словно от него до сих пор несло верблюжьим навозом.

Далее Амиланд отправилась в покои сына. Десятилетнего Милмада стерегли, как зеницу ока, с самого рождения. Единственный живой наследник трона Даржи мужского пола с момента своего появления на свет стал главным достоянием семейства Чирот, и оно берегло его. Дядюшка же, в свою очередь, сделал все, чтобы ни жены, ни наложницы князя не понесли

от него дитя, тем более мальчика. Для этого он платил золотом трем магам и двум придворным лекарям. До поры до времени Амиланд была вполне довольна таким развитием событий. А теперь... Леди Чирот прекрасно представляла, зачем Кимладу понадобилось переселить мальчика во дворец. О, разумеется, чтобы приобщить ко всем возможным удовольствиям, а заодно и к порокам, а потом безраздельно управлять племянником точно так же, как он это делает с его отцом – князем. Ее братец никогда не демонстрировал своего влияния, но самому Богоравному Дэгоннару порой казалось, что исчезни его друг Кимлад – и все пойдет прахом, весь мир опрокинется в бездну. Кимлад умел найти общий язык с дикими кочевниками, с венценосными соседями, с пиратами, с женщинами, с мужчинами, с собаками и лошадьми. Теперь дядюшка жаждал взять контроль над Милмадом. А у Высокой Чирот имелись свои виды на мальчугана. Неужели зря она столько времени проводила в детской, играя со своим ребенком, как простая смертная, как какая-нибудь прачка или служанка? К удовольствию леди Чирот, Милмад дядюшку боялся, номинального папашу презирал, а вот ее, свою мамочку, очень любил. И был ей послушен, как никому.

Амиланд полюбовалась на красивое личико спящего ребенка, погладила его по смоляным кудрям. Если все как следует продумать, то спустя какое-то время именно она, а не Кимлад, будет стоять за тронем юного князя. Что может заменить женщине уходящую юность и красоту, восхищенные мужские взоры и жаркие признания в страсти? Власть и только она красит женщину в возрасте лучше самых дорогих притираний.

Выйдя из детской, леди Чирот, к радости своей, обнаружила служанку.

– Я еду развлекаться, Лих. Приготовь мне платье и маску.

– Все готово, госпожа. Багряное с золотом, соколиная маска с париком.

Лих на лету поймала брошенную довольной хозяйкой серебряную монету.

– А экипаж?

– Ждет, – улыбнулась девушка. И получила еще одну монету.

– Прекрасно. Я вернусь утром.

Ночью Даржа не спит. Ночные богослужения, карнавалы, факельные шествия – часть жизни великого города. Кабаки и бордели, храмы, молельни, базары, лавки, балаганы продолжают работать в любое время суток. Есть заведения: конторы менял, публичные и игорные дома, трактиры, театры, – которые открыты только ночью, а при свете дня их двери заперты на замки. По ночам бодрствуют не только воры и разбойники, не только шлюхи и попы. После полуночи начинается та часть светской жизни, о которой не принято говорить в обществе. Аристократы выходят на охоту за новыми утехами, дабы придать своей пресной жизни в золоченых клетках величия и условностей немного остроты и азарта. Благородные леди, чье презрение к низам обжигающе, как кислота, и превосходит лишь их высокомерие, наряжаются в яркие платья и маски, скрывающие не только лицо, но и прическу, и отдаются оголодавшему матросам в подворотнях. Благородные лорды покупают себе девятилетних девочек, горы шоши и развлекаются в бандитских притонах. Но это, разумеется, крайности, а благородная Чирот так низко не падала никогда. Она предпочитала роскошные закрытые заведения, где играли в карты и кости не только на золото и драгоценности, но и на желания. Иногда на очень странные и экзотические желания.

Под защитой своей соколиной маски Амиланд чувствовала себя великолепно, но вовсе не потому, что кого-то боялась, ее в «Свирели» прекрасно знали. Маска давала ощущение свободы, абсолютной свободы от всего: от замыслов, от своей личности, от привычек, от уз и обязанностей.

– Располагайтесь, Соколица! Мы счастливы вас видеть! – восклицал хозяин заведения – смуглый пройдоха неведомых кровей и темного происхождения.

Она приняла приглашение и заняла свое любимое кресло в дальнем углу.

– Что нового, Люзимар?

– Прекрасный вопрос, Соколица. У нас каждый день, вернее, каждую ночь новости. Вас не было три дня. С чего начать?

– С главного.

– Милорд Лис зарезал свою очередную девку-любовницу.

– За дело?

– Разумеется.

Люзимар продолжал вещать, пересказывая события последних дней с точностью, достойной княжеского секретаря. Кто, с кем, когда и что, и кто видел, и что говорят, и что из этого выйдет в ближайшие два-три года. Леди Чирот слушала вполуха, ничего не пропуская, запоминая самое важное и при этом внимательно осматривая залитый светом зал.

– Кто это? – вдруг спросила она.

– Где?

– Женщина в зеленом, в кожаной полумаске.

– О! Это Дикарка, леди Веннеда, полукровка, любовница самого Шодара и его компаньонка.

– А кто рядом с ней?

– Эльф? Ее телохранитель. Пригласить его? – совершенно верно уловил интонацию гостыи хозяин «Свирели»

– Да, – твердо сказала Амиланд.

Она и раньше видела чистокровных эльфов, даром, что ли, остроухие векуют в Дарже едва ли не с самого ее основания. И далеко не все они красивы, но именно этот показался ей совершенно необыкновенным. Его волосы были чуть темнее, чем ее собственные, такие же длинные и густые. А как он двигался! Боги, сколько же совершенства вложено в каждый жест. Не поможет сравнение ни с леопардом, ни со степным волком, столько грации, и силы, и еще чего-то неуловимого, прекрасного и изысканного.

Вот эльф перевел взгляд своих зеленых глаз на женщину, последовав ими за приглашающим жестом Люзимара. Их взоры встретились. И эльф решительно подошел к леди Чирот.

– Чем я могу вам помочь, моя леди? – вежливо спросил он.

– Я подумала, что, возможно, вы не откажетесь от знакомства, – пролепетала Амиланд смущенно, чего сама от себя не ожидала.

– В данный момент я на службе, прекрасная... леди Соколица, но как только я освобожусь... – заверил ее эльф.

У него были самые незабываемые губы в Дарже. Не слишком полные и не слишком тонкие, в меру яркие и в меру жесткие. И улыбался он очень искренне.

– Сообщите об этом Люзимару...

– Моя нанимательница сейчас отправляется домой...

– Значит, я вас могу дождаться...

– Закажите десерт, чтоб вам не было скучно.

– Мне не будет скучно. Мои помыслы заняты...

– Чем же?

– Вами.

Ночью в Дарже принято говорить правду, особенно если на вас золоченая маска, перышко к перышку повторяющая рисунок оперения благородной птицы.

Амиланд глядела, как он уходит, отвесив поклон, и внутри что-то сжалось от острого предчувствия. Чего?..

– Его зовут Джиэссэнэ по прозвищу Унанки, – прошептал на ухо вездесущий Люзимар.

– Унанки?

– С ти'эрсона слово можно перевести... мм... легкий как перышко... что-то в этом духе.

– Хм... легче перышка...

А потом Джиэссэнэ вернулся, как и обещал. А потом с ними приключились весьма забавная ночь и еще более удивительное утро. А потом, не сразу, но очень скоро, Амиланд вдруг с ужасом обнаружила, что у нее тоже имеется сердце, как и у остальных смертных женщин.

Рассвет сотворил чудо, заставив успокоиться бушевавшее всю ночь неистовое море. И когда над горизонтом показался кусочек светила, его нежные розовые лучи легли на безукоризненную в своем совершенстве гладь. Волны тихо лизали камни у подножия старинного особняка, и только ветер, лениво шевеливший легчайший шелк занавесок, догадывался, что этой ночью в спальне хозяйки разразилась битва под стать буйству водных стихий.

– Разве есть необходимость сбегать прямо на рассвете? – спросила Амиланд.

Против ожидания, руки эльфа на завязках рубашки ничуть не дрогнули. Джиэс даже головы не повернул:

– У меня дела. Прости, дэлла.³

Глядеть, как он одевается, было так же приятно, как и на раздевание, потому что даже самая опытная даржанская куртизанка не могла похвастаться столь гармоничными движениями. Под вызолоченной солнцем кожей перекачивались литые мускулы опытного бойца. Разворот широких плеч говорил о том, что сей муж способен одной рукой сломать подкову, не поморщив ровного породистого носа.

Об иных, более... мм... приятных способностях своего возлюбленного леди Чирот предпочитала молчать. И не столько опасаясь возможного недовольства своего высокородного супруга, сколько из ревнивого желания обладать эдаким сокровищем единолично. Амиланд оставалась эгоисткой до мозга костей и собственницей, каких свет белый не видывал.

– Я тебе не верю, Джиэс.

– Твое право... но я действительно должен уйти прямо сейчас, – мягко ответил эльф.

– Ты мог бы жить здесь, со мной, а не в своей дурацкой гостинице.

Джиэс промолчал, не желая вступать в бесполезный спор. Их взгляды разнились принципиально. Унанки не хотел становиться живой игрушкой, а Амиланд не считала зазорным любым способом сберечь каждый миг, который они могут быть вместе. Ибо у леди Чирот было все, чего она только могла пожелать, кроме времени, оставшегося у них с Джиэссэнэ.

Вот и сейчас буквально через какой-то миг он ловко вспрыгнет на подоконник и бесшумным, опасным хищником выскользнет прочь, а следом его легкая тень заставит колыхнуться занавеси. И все. Словно и не было безумной ночи, полной до краев страсти и нежности, словно не было слияния тел и душ под легким водопадом шитых серебром тканей полога. Проклятье!

– Проклятье! – Леди Чирот иногда говорила то, что думала. – Это какое-то ваше нелюдское колдовство, не иначе.

– Фи, дэлла, а я-то думал, что общаюсь с образованной дамой, – рассмеялся Унанки, подхватывая витым шнуром волосы жестом, от которого у Амиланд перехватывало дыхание. – Сразу – нелюди, колдовство.

– Ты хочешь сказать, я тебя просто люблю?

Эльф поглядел на женщину со странно замкнутым выражением на лице.

– Говоря по совести, я никогда так не думал, Амиланд, – сказал он серьезно. – Это было бы чересчур жестоко по отношению к нам обоим.

Он, разумеется, был прав, и не стоило, пожалуй, провоцировать Джиэссэнэ на подобную болезненную откровенность. Но что сказано, то сказано.

– Много ты знаешь о жестокости, эльф...

Леди Чирот не умела извиняться, тем более просить прощения.

³ Дэлла – обращение к благородной замужней женщине в Дарже.

- Практически все, что только можно знать, – заверил ее Джиэс.
- Тогда ты должен выполнить обещанное.
- Нет никакой нужды лишний раз напоминать о моем долге, Лилейная.

Это утро являлось точной копией всех предыдущих рассветов, когда после бурной ночи неистовых грез наступало жестокое похмелье реальности, наполненное множеством неприятных событий, имеющих так мало общего с недавним непередаваемым блаженством. Солнечные лучи растапливали хрупкий лед иллюзий, не оставляя даже следа от их сияющих вершин. Невзирая на свою многоопытность, Амиланд даже и не представляла себе, что именно такой оттенок горечи остается от любого, даже самого идеального романа с эльфом у каждой женщины. Такова уж природа долгожителей, и тут ничего не поделать, только определиться с выбором. Либо да, либо нет. И потом не сожалеть.

Орк-эш поджидал Джиэса в придорожном трактире, нимало не смущаясь тем, какие эмоции вызывает у окружающих его красивая, но лишенная татуировки физиономия. Сородичи, понятное дело, в его сторону даже глазом не вели. Дабы не замараться. А люди пялились вовсю. Еще бы! Орк-эш сродни чуду-юду из детских сказочек. А когда к нему присоединился наемник-эльф, то народ и вовсе потерял дар речи, в том числе нецензурной. Парочка вышла еще та. Смуглый черноволосый орк и светловолосый эльф. Оба зеленоглазые, только очи эльфа цвета юной травки, а орочки – нефритовые кошачьи глазищи.

Они поздоровались церемонно, не скрывая взаимного дружелюбия. Эльф жестом приказал подать две чашки хассара.

– Я нашел то, что тебе нужно, мастер Джиэс, – сказал орк. – Две надежные женщины-полукровки. Они будут молчать при любых обстоятельствах.

Брови эльфа взлетели изумленными птицами.

– Отчего такая уверенность?

– Одна – немая от рождения, а вторая ради первой пойдет на любую жертву. Дочь и мать, – кратко пояснил орк. – Ребенок родился после изнасилования, и мать всю жизнь корит себя за немоту дочери.

– Печальная история.

– Это их история, Джиэс, не имеющая к нашим делам никакого отношения. Шинтан тренирована на защиту, она профессионалка. Грист, ее мать, будет следить за детьми, а Шинтан – их охранять.

Эльф обдумывал слова собеседника довольно долго, что-то мысленно прикидывая.

– Сийгин, ты им доверяешь? – напрямую спросил он.

– Как самому себе.

– Хорошо. Познакомь нас.

– Они живут в Храмовом предместье. Тут недалеко.

Сийгин не приврал ни единого слова. Стоило только увидеть, как полуорка встает с низкой скамеечки навстречу гостям, чтобы понять, какова она в деле. Кожа Шинтан, почти черная без всякого загара, лоснилась, под ней лежали тренированные мускулы бойца, а формы у нее были такие, что самому целомудренному монаху потребовалось бы шестидневье, чтобы молитвой и постом унять жар в чреслах. Во всяком случае, Джиэс даже после ночи с такой опытной любовницей, как Амиланд, ощутил острое, почти животное желание. Впрочем, женщина в собственном доме не отягощала себя одеждой. На ней не было ничего, кроме браслетов на руке. Однако на эльфа возбуждающе действовала вовсе не ее нагота. Кого в Дарже смутят обнаженные женские прелести? Разве только чужеземцев да матросов, изголодавшихся по женщинам. Шинтан держалась так естественно, совершенство ее было столь полным, а золотые глаза глядели так откровенно, что мысль соединиться с ней прямо на циновке возле очага приходила сама собой. Полуорка, дитя насилия, понимала речь, но сама молчала в ответ, кивая

в знак согласия или покачивая головой в знак отрицания. У их с Сийгином народа был развит тайный язык жестов, которым они и пользовались. Точенные сильные пальчики Шинтан рисовали на ладонях Сийгина замысловатые узоры, которые тот без промедления переводил.

– Она спрашивает: как долго понадобятся ее услуги?

– Возможно, шесть раз по шесть дней, – отвечал Джиэс.

– Долго. Но цена устраивает обеих.

– Спроси, полностью ли она согласна с условиями сделки, потому что потом уже ничего нельзя будет переиграть или изменить. Мне нужно знать точно.

– Она понимает.

– Все равно переведи. На всякий случай.

Сийгин выполнил просьбу.

– Половину денег вперед – и не будет никаких изменений.

Златоглазая красавица улыбнулась, сверкнув зубами-жемчугами, подтверждая свои слова энергичным кивком.

Мамаша полуорки поджидала их, сидя на корточках в густом тенечке старой твы. В отличие от дочки, Грист была закутана в покрывала по самые брови почище иной чистокровной тангарки. Но все равно было заметно, что она женщина невиданной красоты, только часть которой унаследовала Шинтан. Грист взирала на эльфа безучастно, улыбнулась вежливо, как уважаемому клиенту, тут же предложила разбавленный хассар и, услышав отказ, равнодушно пожала плечами.

– Мы будем ждать условленного знака от вас, – заверила она гостей перед прощанием, провожая их до калитки.

– Красивые женщины, – молвил Сийгин. – Шинтан ты понравился.

– Она тебе так и сказала? – полюбопытствовал эльф.

– Почти, – загадочно ухмыльнулся эш. – Ты не должен думать лишнего, потому что Шинтан не просто одаривает своим вниманием каждого встречного. Она долгое время служила жрицей в храме Сайлориан и посвящена во многие таинства Матери всех страстей. Она сама выбирает, с кем провести время. И никто не вправе судить ее.

– Я не сужу.

– Правильно. Шинтан достойна всяческого уважения.

Чистую правду говорил орк. Даже недолгое присутствие посвященной жрицы давало чудесное ощущение наполненности и цельности. Так и должно было быть. За этим и ходили в храмы Сайлориан мужчины и женщины всех рас. А вовсе не за тем, о чем шипели святоши из церкви Круга. За тем самым ходили в бордели. В Жемчужных храмах нет места для грубой животной похоти.

– Грист – мудрая женщина, – продолжал Сийгин. – Она не стала идти против судьбы и отдала ребенка, зачатого насилием и мукой, в услужение к богине учиться любви. Только так можно прервать цепь зла.

Джиэсу вспомнились восхитительные глаза Грист, точенные черты ее лица, и в душе вскипел гнев против того грязного ублюдка, который посмел мордовать столь прекрасное существо. Как всякому элфу, ему претило попрание красоты в любом ее проявлении, будь то цветок, женщина или произведение искусства. Красота и гармония были и оставались единственной ценностью этого мира, достойной защиты.

– Приглашаю тебя отобедать со мной в «Грифоне», Сийгин. Хочу познакомить тебя с моим старинным другом, – сказал, неожиданно даже для себя, Джиэссэнэ.

– С большим удовольствием, – согласился орк.

В компании с эльфами он чувствовал себя более уверенно, да и в «Грифоне» ему всегда нравилось.

– Только ты не сильно удивляйся, – предупредил эльф.

– А что такое?

– У него в компаньонах... мм... оныгье.

Орк сверкнул кошачьими глазами в изумлении, а ведь на него трудно было произвести впечатление.

– Твой друг, видимо, необычный... эльф, – молвил он глубокомысленно, не изобретая ничего более оригинального.

– Это ты верно подметил, – весело подмигнул Джиэс.

Он решил, что просто обязан преподнести Сийгину сюрприз после столь необычайного знакомства с жрицей-полукровкой. Потому что искренне считал знакомство с Ириеном настоящим подарком.

Довериться эльфу-наемнику, чужаку и вообще существу другой расы, в сугубо семейном деле – верх возможного риска, но Амиланд не зря слыла азартным игроком. Она умела делать высокие ставки и блефовать до конца. Джиэссэнэ стал ее «двуликим» в игре, где ставкой – жизнь и власть. Но никому больше доверить своих детей леди Чирот не могла. Слуги и друзья предадут либо из страха перед Кимладом, либо из жадности, либо по обеим причинам сразу. Эльфу же от семейства Чирот ничего не нужно. В случае неудачи он мог легко исчезнуть хоть на сто лет. Ну а в случае удачи... ему не пришлось бы исчезать. Амиланд редко кем дорожила, но Джиэс занимал в ее жизни слишком большое место, чтобы легко пожертвовать им самим и его столь приятным вниманием.

Кимлад, к счастью, глядел на увлечение сестры нелюдем сквозь пальцы, как, впрочем, на все остальные интрижки, ибо сохранить тайну свиданий в Дарже не смог бы даже сам Рудайс – Пестрый бог тайн и лжи. Зато Джиэс умел держать язык за зубами, и Амиланд после долгих колебаний доверила ему свой план. Она называла его «спасением моих детей» и изложила эльфу версию, близкую к истине, но в собственной интерпретации и немного сместив акценты. История о злодее-брате, насильнике, негодяе и извращенце, и его видах на невинных детей произвела должное впечатление на вовсе не склонного к сентиментальности нелюдя. Джиэс пообещал помочь и, судя по всему, держал свое слово, раз привел свой отряд для знакомства в условленное место, а именно в один неприметный дом на улице Ковровщиков. Без этой встречи Амиланд обойтись не могла.

– Хотела бы я знать, действительно ли вы, господа наемники, стоите тех денег, которые просите?

Женщины – мать и дочь, ее устроили целиком и полностью. Это хорошо, что они орки, еще лучше, чтоб немymi были обе, но даже одна молчунья вполне подойдет. А вот мужчины... Эльф, орк, тангар и трое людей, из которых один эрмидэ, а другой вообще оныгье. От вида рыжего коренастого уроженца Святых земель Амиланд просто воротило, но эльф по прозвищу Альс произвел на нее самое отталкивающее впечатление. Эти жуткие шрамы, изуродованные руки и резкие черты лица вызывали у леди Чирот неприятное чувство беспокойства. Стоило только встретиться глазами с его серебристым хмурым взглядом, как сразу хотелось трусливо сбежать и спрятаться. Изумляло отношение к нему со стороны Унанки. Прямо как к брату родному. А ведь не брат. Всего лишь старый друг и даже не родня. Порой непонятно, кто главный в этой компании – Джиэссэнэ или этот отвратительный Альс?

Бронзового оттенка шелк, расшитый сложнейшими узорами, тихо зашелестел, когда обладательница голоса, вызывающего у мужчин нервную дрожь, поменяла положение своего великолепного тела в кресле. Она сквозь полуприкрытые в задумчивости веки рассматривала мужчин, застывших чуть в отдалении. Расстояние почтительное, но Лилейная была уверена, что им и оттуда прекрасно видны все изгибы ее совершенной фигуры.

– Мне не нравится оныгье. Он слишком... слишком оныгье, – молвила леди и поглядела почему-то в упор на Альса.

Унанки только склонил голову ниже, но в его молчании без всякого труда читалась непреклонность.

– Или с Пардом, или ищите других исполнителей, Высокая.

Другой вопрос, каких усилий стоило эльфу оставаться непреклонным. Скажем прямо – всего самообладания, а его у чистокровного сидхи имелись немалые запасы.

– Я добавлю еще двадцать золотых рахн, – попыталась надавить на него Амиланд.

– Вы так великодушны, – проворчал в ответ эльф.

Его глаза казались затертыми древними бронзовыми зеркалами.

Леди Чирот уже успела понять, что спорить с Унанки бесполезно.

– Ладно, господин Джиэссэнэ, будь по-вашему, – сдалась она под невидимым напором наемника. – Но я и спрошу с вас по всей строгости.

– Я даже не сомневаюсь.

Врожденная сдержанность, помноженная на мастерство и самоуверенность, это на самом деле коварнейшая смесь, будоражающая кровь почище самого крепкого тростникового вина. Синие и светло-зеленые глаза встретились в последнем жестком поединке воли. Победил эльф.

– Когда вы сможете отправить детей на прогулку?

– Завтра. А вы будете полностью готовы?

– Разумеется.

– В таком случае аудиенция окончена.

Наемники вышли так же молча, как и вошли.

– Джиэссэнэ, задержитесь.

Спорить эльф не стал и спокойно, тщательно прикрыв двери, приблизился к креслу.

– Я тебя слушаю.

– Дай мне слово, что мои дети вернутся ко мне из степи живыми и здоровыми.

– Даю тебе слово, дэлла, – без колебаний заявил эльф. – Мне поклясться честью и именем?

– Слова будет достаточно, – устало вздохнула женщина. – Мне совсем не нравится твой сородич.

– Ты ему тоже не нравишься.

– Ты потрясающе искренен, Джиэс, – усмехнулась Амиланд, но смешок вышел слишком нервный. – И тем не менее он согласился работать на меня. Ты ему доверяешь?

– Альс – мой друг, и я доверяю ему больше, чем самому себе, если хочешь знать.

– До такой степени, что даже подчиняешься ему? – не удержалась от поддевки леди Чирот.

– Альсу можно подчиняться без всякого ущерба для чести, – весьма серьезно отвечивал Унанки. – Как командиру ему нет равных.

– А выглядит словно обычный головорез.

– Дэлла, эльфы не бывают обычными головорезами. – К Джиэсу наконец-то вернулось чувство юмора. – Эльф может стать жутким головорезом, чудовищем, проклятой напастью, но только не обычным. Но насчет Ириена ты ошибаешься.

– О боги, у него еще и имя такое! – ахнула Амиланд. – Имя демона безумия для него вполне подходит.

– Сейчас мало кто знает ту древнюю сказку... – пожал плечами Джиэс.

– Его счастье, – фыркнула женщина. – Кто бы вообще стал иметь дело с нелюдем, да с такой рожей, да еще носящим имя демона?

– Ты, например. – Улыбка у Унанки вышла неприятно похожей на ту, которая совсем недавно чахлым цветком произрастала на кривой физиономии Альса. – Надеюсь, обе орки тебя полностью устраивают?

– Целиком.

Амиланд обиженно поджала губы. Она искренне полагала, что имеет на Джиэса самое большое влияние, стойко пребывая в этом опасном заблуждении.

– Мне ждать тебя сегодня?

– Нет.

И на безмолвный вопрос, застывший в сапфировом взоре леди Чирот, не последовало никакого ответа. Она хотела было оскорбиться, но по здравом размышлении поняла – эльф снова прав.

Тангар неэстетично жевал душистую смолу дерева хен и, слава всем богам, хоть не сплевывал на землю ядовито-фиолетовую слюну, как все остальные любители этого занятия. Все живые существа в Дарже делились на две примерно равные части по отношению к хеннай – древесной смоле. Одна половина готова была отказаться от хлеба ради кусочка хеннай, а вторая находила ее отвратительной на вид и на вкус, а вид двигающихся челюстей и фиолетовый оттенок языка вызывал приступ тошноты. Альс относился к второй половине. Он старался не смотреть на тангара – высокого молодого парня с по-холостяцки бритым лицом. Пшенично-золотистые косы, заплетенные традиционным способом, делали его широкое лицо еще шире, а черты крупнее. Бороться с отвращением к любителям хеннай было гораздо тяжелее, чем с предубеждением против уроженцев Оньгъена, но Ириен старался вовсю. С того самого момента, как Сийгин привел Торвардина сына Терриара в их компанию. К орку-эш Альс проникся симпатией сразу же, к его закадычному другу – маргарцу Элливейду – тоже. И против тангара не было бы возражений, если бы не злополучная хеннай. А Торвардин, как назло, набивал каждый день полный рот смолой и всю дорогу работал челюстями наподобие термита.

Запасы терпения у эльфа были невелики, и очень быстро он вычерпал их до самого донца.

– Тебе действительно нравится эта гадость? – поинтересовался он, не выдержав внутренней борьбы.

– Какая? – не понял Торвардин.

– Хеннай.

Ореховые очи тангара излучали крайнюю степень изумления. Но его ответ оказался еще более удивительным.

– Жуткая гадость, – признался вдруг он. – Дерьмовый вкус.

– Так зачем же?..

Парень замаялся.

– Ну, я наемничать пошел... Смотрю, вроде все это делают. Понимаешь, думаю, надо приучаться, хотя... противно так.

– А мне смотреть противно.

– Честно?

И Торвардин, деликатно прикрывшись широкой ладонью, выплюнул изрядный кусок хеннай в кусты. И с облегчением вздохнул.

– Ты зря мне раньше не сказал. Я б не маялся столько времени, – укоризненно покосился он на эльфа.

– Я не знал, что кто-то может жевать хеннай через силу, – пожал плечами тот.

Тангар еще больше смутился и всю оставшуюся дорогу до «Грифона» шел, понури голову, молча и полыхая жаром смущения. И наверняка уже решил, что многоопытный эльф сочтет его выходку глупостью, недостойной их команды.

А у Альса на самом деле отлегло от сердца, как любят выражаться маргарцы. Насколько ему хватало понимания и опыта, в отряде наемников нельзя позволить себе такой роскоши, как неприязнь между воинами. Пусть даже по такому, казалось бы, ничтожному поводу, как жевание смолы.

– Да не переживай ты! С кем не бывает?! Когда-то, по молодости лет, я нанялся матросом на маргарскую шикку. Вот уж где было весело насчет традиционных шуток над салагами. Я тогда почти и не знал ничего о мире за горами, но сразу умудрился попасть в такое место, где держи ухо востро.

Торвардин покосился на эльфье заостренное ухо. Вот уж сравнение – в самую точку.

– Наверное, ни над кем так не издевались, как надо мной, – усмехнулся Альс своим воспоминаниям вполне добродушно. – Именно тогда я проникся ненавистью к хеннай.

– Было от чего?

– Еще бы.

– Знаешь, Альс, зови меня просто – Тор, – после некоторого раздумья вдруг заявил тангар.

Руна, которой писалось слово «Тор», считалась у магов очень сильной и несла в себе большой заряд неопределенности. Полное тангарское имя меняло ее смысл на прямо противоположный. Называя ребенка Торвардин, родители жаждали, чтоб он неукоснительно следовал традициям, шел по стопам предков, исполняя все предписанные заветы и обычаи. Если парень сам себя называл Тором, то это означало только одно – он решил пойти против собственной судьбы сознательно.

Обостренные чувства Познателя давали знать, что происходит что-то необычное, но Альс пока еще терялся в догадках. Это только кажется, что Познатели знают все. Они просто видят Истинное, но, даже видя, нужно еще подобрать нужные и единственно верные слова, чтобы воплотить в них Истинное. А тому, что происходило с ним в Дарже, пока еще у Ириена не имелось названия. Но, возможно, дело было в тех, кого он встретил. Скорее всего.

Сначала Пард – заклятый враг, ставший другом, потом Джиэссэнэ – старый друг, роднее брата, которого, кстати, никогда у Альса не было. Сийгин – орк, отрекшийся от касты, чудо чудное, диво невиданное. Колдун-эрмидэ подозрительно королевских кровей. Везунчик Элливейд. Теперь вот тангар, бросивший родню и ремесло ради бродяжьей жизни наемника, что для тангара сродни бунту и тягчайшей ереси.

– Тор, откуда ты родом? – вдруг спросил эльф.

– С Медных островов – Роллю. Может, слышал про такое место?

– Слышал, – кивнул Альс. – Далеко тебя занесло.

– Мне куда подальше и хотелось, – нехотя пробурчал Тор.

Не надо быть провидцем, да и Познателем тоже необязательно, чтоб уловить в интонациях тангара недостающую ноту. Темнишь ты, парень, ох и темнишь. Так просто тангар не бежит за тридевять земель. Тангары – это такие люди... тьфу ты... нелюди, которые ничего просто так, от широты душевной не делают. Пожалуй, даже не умирают просто так на ровном месте.

Так что терзать вопросами многомудрый эльф Торвардина не стал. Что-то нашептывало в его не такое уж и острое ухо, что будет у них еще время узнать друг друга получше.

Никогда задумка не получается такой, как было измышлено вначале. Тот, кто живет воинским делом, должен помнить о сем скорбном факте и всегда иметь про запас несколько вариантов развития событий. И, на всякой случай, убедительную причину, по которой можно отказаться от задуманного. У Ириена и Джиэссэнэ имелись в наличии вариации на тему засады, а причин отказать леди Чирот в услуге не нашлось ни одной. На том и погорели.

Вместо трех телохранителей, двое из которых совсем еще молоденькие ребята, детей леди Чирот охранял десяток до зубов вооруженных стражей. И там, где похитители рассчитывали обойтись почти бескровным поединком, пришлось всерьез взяться за мечи. Охрана сражалась не на жизнь, а на смерть. Шестеро против десятерых. Не так уж и много для опытных наемников, но ведь никто не ожидал такого яростного отпора. В итоге в глубине сада усадьбы Чирот

произошло не тихое похищение, а настоящее побоище. И если бы не бдительная полуорка, то дети убежали бы, а все дело сорвалось.

Шинтан посадила перед собой в седло девочку, а Элливейд, как самый обаятельный, мальчика. В таком деле, как похищение, время тянуть не рекомендовалось, а тут еще и Альсу в драке сломали пару ребер. Эльф не слишком удачно встрял в поединок Парда с одним из стражей и теперь пожинал плоды своего геройства, то и дело сплевывая на землю кровавые сгустки.

Им всем хотелось поскорее выбраться из Даржи, а Альсу к тому же хотелось надавать Унанки крепко по шее. И в этом желании остальные похитители были с эльфом вполне солидарны. В конце концов, кто должен предусмотреть все мелочи, разузнать заранее про смену телохранителей?

Странное место выбрала Грист, для того чтобы спрятать детей леди Чирот. Не то заброшенный храм, не то чья-то разоренная усадьба. Старый, наполовину засохший сад окружал со всех сторон строение одновременно и массивное, и какое-то неприметное. Высокий забор местами развалился до основания, бассейн во внутреннем дворике зарос сорной травой, а сквозь куполообразную крышу прошла внушительная трещина. Внутри дом был совершенно пуст, ни стен, ни мебели, только странное углубление в полу в самом центре помещения. Из-за трещины акустика нарушилась, и голоса внутри звучали то слишком громко, то слишком тихо. Альсу тут не нравилось. Но Грист настояла, и Шинтан ее полностью поддержала. Ибо более уединенного места в густонаселенных окрестностях Даржи сыскать трудно.

Альс с усилием вытащил свое тело из седла, и боль в боку на миг застила мир черным всполохом. Он только крепче сжал зубы, чтобы не ругнуться. Эльфу, начини он браниться, трудно будет потом остановиться.

– Уведи детей, Ши, – приказал он полуорке.

Ребра нестерпимо жгло огнем.

– Мне придется остаться вместе с женщинами, а вы возвращайтесь в Даржу.

Возражений попросту не возникло. Все видели, что эльф держится на ногах только усилием воли.

– Грист меня перевяжет. Отлежусь, и все пройдет, – шепотом пояснил Альс обеспокоенному Парду. – А вы проваливайте.

Ему хватило сил проводить взглядом удаляющуюся кавалькаду, прежде чем в полном изнеможении привалиться спиной к стене и закрыть глаза. Во рту стоял вкус крови. Плохой знак.

Кимлад рвал и метал. Рвал тонкий аймолайский шелк, рвал привезенные из-за моря игергардские гобелены, рвал бумаги и свитки, какие только попадались под руку. Метал об стену драгоценные маргарские вазы, эрмидэйский фарфор, мраморные статуэтки богов и цветочные горшки. Он приказал высечь всех рабов, лишил полугодового жалованья слуг, избил Висселя, да и леди Чирот перепало несколько горячих оплеух. Лорд Кимлад бушевал, как пустынный самум, сея разрушение и хаос в доме Амиланд.

Лорд Виссель рыдал в спальне, спрятавшись от гнева шурина за огромным ложем. Его лицо представляло собой жуткое зрелище всех оттенков багрового и синего. И это обстоятельство делало достойного супруга леди Чирот совершенно безутешным. Похоже, Кимлад сломал ему нос.

Леди Чирот затворилась в женском святилище и истово молилась Пестрой Матери. Слезы текли по ее щекам сплошным водопадом, обильно орошая алтарь. Такого запредельного счастья Амиланд не испытывала давным-давно. Даже публичное посажение Кимлада на кол не принесло бы ей столько удовольствия, как зрелище бессильной ярости на его красивом лице.

«Прости меня, Пестрая Великая Мать, но если бы я знала, что могу ТАК ему насолить, собственными руками задушила бы обоих своих детей!»

Поначалу мысли Амиланд метались, точно вспугнутые цапли над озером, но слова традиционной молитвы, повторенной раз двадцать подряд, успокоили леди Чирот настолько, что она смогла рассуждать здраво. Ее никто не посмеет упрекнуть, ничто не указывает на ее вину, и теперь у нее развязаны руки.

Амиланд прислонилась лбом к алтарному камню и возблагодарила Великую Мать за то, что та послала ей Джиэссэнэ...

– Джиэс...

Придется подождать несколько дней, прежде чем она сможет обнять его и припасть губами к устам. Но это будет самое приятное ожидание.

– А где Альс?

– Остался с Шинтан и Грист. Ему переломали ребра.

– Демоны!

– Вот именно! Там был десяток стражей вместо трех. Мог бы и предупредить.

– Сколько?

– Сколько слышал.

Губы эльфа сжались в тонкую линию, что не предвещало никому ничего хорошего. Унанки не любил делать ошибки, особенно когда эти ошибки были чреваты неприятностями для тех, кто ему доверился. Унанки не любил оправдываться и просто ненавидел доказывать свою невиновность. У него имелось еще несколько нехороших привычек, одна из которых состояла в том, что Унанки все свои дела доводил до логического конца и не ограничивался полумерами там, где хоть что-то зависело лично от него.

Он развернулся на каблуках и, никому ничего не говоря, покинул «Грифон» на ночь глядя.

– Куда он? – удивился Пард.

– У Джиэса в Дарже полно возможностей прояснить свои вопросы, – ухмыльнулся Сийгин. – Есть места, куда войти может только он один.

– И выйти? – изогнул вопросительно бровь Малаган.

– И снова зайти.

Пард пожал плечами. Его больше беспокоило, как там Альс с его ребрами. Онгье прекрасно видел, что до схрона эльф доехал при последнем издыхании, чудом удерживаясь в седле.

– Надо было остаться с Альсом, – пробурчал он.

Тор из-за спины Малагана посмотрел на орка и сделал круглые глаза. Мол, ты это видел? Чтoб онгье так сдружился с эльфом... Ох, и не за горами Последняя битва!

Люзимар стелился под ноги эльфу что твой молитвенный коврик. Под руку сопровождал в дальний уютный уголок, хотя еще шестидневье назад снисходил только до банального приветствия и фамильярной усмешки. Теперь уж не узнать хозяина «Свирели». Не иначе подменили злые тати в ночи.

– Вы слышали? Бастардов Богоравного похитили из лома Чирот, – горячо прошептал он на ухо Джиэсу.

– Детей Амиланд?

– Именно! Кимлад в бешенстве.

Люзимар дышал так часто, словно бежал без остановки от самих дальних предместий. Тяжко быть в курсе всех дел.

– А князь?

– Издеваетесь, мастер Джиэс? Кто знает мысли Богоравного? – надул тот щеки.

– Лорд Кимлад, должно быть, – ответил Джиэс, изображая невинного младенца.

– Вы только прикидываетесь простаком, мастер. Верно, глядите на нас, смертных, со своих высот и посмеиваетесь? – делано обиделся Люзимар и кокетливо пригрозил пальчиком: – Всё вы знаете.

– Разве я должен быть в курсе всех интриг и козней Даржи? – пожал плечами эльф. – Я всего лишь сплю с Амиланд. И скажу вам по секрету, у нее нет привычки разговаривать во сне.

– А я вам скажу по еще большему секрету, что вы – самое длительное увлечение леди Чирот. И многих влиятельных людей это обстоятельство наводит на определенные мысли.

Определенность мыслей этих самых влиятельных людей заставила Унанки настроиться на более серьезный лад.

– Хм... ее позиции настолько выросли?

– Богоравный послал за ней свой паланкин. Только за ней. Без лорда Кимлада, – продолжил доклад хозяин «Свирели».

– Вот как?!

– И они говорили наедине. Очень долго.

Великие светлые небеса, как они живут? Как золотые рыбки в пруду, на всеобщем обозрении. Есть ли смысл носить княжий венец, если каждый содержатель притона, каждая базарная торговка могут заглянуть к тебе под одеяло?

– Ну а я-то тут при чем?

Люзимар хитро усмехнулся, чуть ли не подмигнув эльфу в знак одобрения.

– Боги, ну почему бы мне не родиться сидхи? Красивое молодое лицо, долгие годы жизни и возможность, а главное – время, чтобы возвыситься так, как мало кому из людей может присниться в самых смелых снах.

Светлые глаза даржанца закатились под самые брови от избытка чувств. Несколько мгновений он пребывал во власти своих мечтаний.

– Мастер Джиэс, я осмелюсь дать вам маленький совет. Как старый друг.

Унанки едва сдержался, чтоб не рассмеяться в голос.

– Очень скоро к вам в приятели начнут набиваться те, о ком еще вчера вы и слыхом не слыхивали. Это будут и весьма значительные особы, и просто мошенники. Но потом... когда-нибудь... вы не забудете о том, что именно я познакомил вас с леди Чирот?

Хозяин «Свирели» выглядел удивительно серьезным.

– Не забуду, господин Люзимар. У меня прекрасная память, – столь же серьезно пообещал Джиэс.

– Изволите приказать подать что-нибудь вкусное?

– Спасибо. Я не голоден.

– Всегда к вашим услугам.

Намеки Люзимара были более чем прозрачны. Ставки леди Чирот росли, а вместе с ними росло и возможное влияние ее фаворита, то бишь самого Джиэссэнэ.

Оставалось только выяснить, что здесь – воля случая, а что спланировано самой Амиланд.

Свет падал сквозь проломы в куполе пыльными узкими колоннами, разделяя пространство на темные и светлые участки, будто нарезая его тупым ножом, как буханку хлеба, на несколько неровных частей. В самом темном углу залы неподвижно сидела девушка, закутанная во что-то длинное бледно-розовое.

– Где Шинтан? – спросил Альс.

– Что?

Девушка сжалась в комочек от звука его резкого, хриплого голоса.

– Я спрашиваю, где полуорка и твой брат? – проскрипел эльф.

– Они... снаружи. Играют.

«Играют?» Альс прислушался, улавливая среди прочих звуков приглушенный голос и даже смех. Шинтан развлекала мальчишку, посвящая в тайны «прыгунков» – любимой забавы всех уличных детей. Замечательно.

Альс бы сам сейчас сыграл партию, если бы не болели так отчаянно ребра под тугой повязкой, сковывающей его тело от подмышек до пупа. Ни вдохнуть, ни выдохнуть.

– А ты чего здесь сидишь?

Девушка промолчала, не сводя с Альса пронзительного взгляда темных глаз. У него даже спина зачесалась от такого пристального внимания.

– Грист! – позвал он.

Орка, словно все время просидела, притаившись за стеной, тотчас появилась в дверном проеме. Ириен попросил пить. У него все во рту покрылось сухой коркой.

– Кто-нибудь из наших вернулся? – спросил он, едва просьба была исполнена.

– Нет.

Эльф ругнулся вполголоса.

– Ладно, подождем.

И попытался поудобнее расположиться на тощем матрасе. Впрочем, без всякого результата, лишь повеселив мать немой полуорки своими неловкими движениями.

– Оставь кувшин с водой, – проворчал он.

– Тебе нельзя много пить.

– Сам знаю.

Когда идешь по мокрому песку на границе между берегом и прибоем, то лучше не оборачиваться назад, потому что волны быстро слизывают следы, и тогда в сердце нарастает ощущение небытия. Все должно оставлять следы, убеждал Джиэса отец. Каждый поступок, каждое слово или шаг. Чтоб нить жизни была видна издалека, даже из-за Грани. При этом отец глядел куда-то в сторону, за свое правое плечо. След Унанки тянулся через перевалы Шио-Натай через Тассельрад, Игергард, делал запутанную петлю в Маргаре, потом узел длиною в год, потом... Словом, отец мог бы гордиться. Почему же теперь в Дарже Унанки чувствовал, как теряется его нить? Почему ему хотелось сомкнуть твердые, как корабельные гвозди, пальцы на шее высокородной леди Чирот?

Унанки намеренно спешил и медленно шел вдоль прибоя, не обращая внимания на вопли чаек над головой и на то, что брызги от волн портят одежду. Как же могло случиться, что он пошел на поводу у амбициозной жестокой женщины, готовой поставить на кон собственных детей? Как такое произошло с ним, с тем, кто, кажется, научился видеть людей насквозь? Это так просто. Все написано на их лицах, стоит только повнимательнее присмотреться.

На лице Амиланд жажда власти написала несмываемыми чернилами свои письмена всего лишь на мгновение, но и его хватило для зоркого взгляда. Леди Чирот быстро стерла эти знаки, заменив их приторно-сладкой смесью испуга, неуверенности и глубочайшего страдания.

Женщина в шелке фиалкового цвета на фоне рассветного неба. Ее рука мертвой птицей лежит на спинке стула, на вырезанных из светлого дерева цветах аймолайского лотоса. Тяжелые покрывала и легчайшие занавеси, которые парусом надувает ветер. Она продумала каждую деталь, каждую мелочь, соблюдая самую ничтожную соразмерность композиции, чтобы все они сработали в ее пользу. Даржанские аристократки фору дадут даже высокородным эрмидэ по части умения создавать впечатление буквально из ничего. Их этому учат с младенчества. Иногда вместо грамоты и счета. Амиланд старалась, очень старалась, но в последний миг забыла погасить золотые искры злорадного торжества на дне своих сапфировых глаз. Унанки слушал ее голос и почти равнодушно думал о том, что, пожалуй, лучшей любовницы у него не было

и не будет и что большего унижения он тоже никогда раньше не испытывал. Даже когда носил ошейник раба и вертел тяжелым галерным веслом. Там, на галере, он был невольником, а здесь исполнял чужую прихоть по доброй воле, точно так же не отягощая себя раздумьями о смысле своих поступков, как это делает раб. От раба не требуется думать, за него думает хозяин. За Унанки думала Амиланд. И признаться себе в этом было... обидно? досадно?.. Так же, как признаться себе в собственном несовершенстве.

– ...мы получим всё! – сказал леди Чирот вдохновенно.

– А ты уверена, что все – это как раз то, что мне необходимо? – спросил Джиэссэнэ вместо прощания. – В Духову ночь вы воссоединитесь с вашими детьми, Лилейная.

Интересно, поняла ли Амиланд, что их история закончена? Может быть. Скорее всего. Но необязательно. Они так часто придумывают себе «ширмы», за которыми прячут правильные догадки, понимание и истину. Эдакие заслоны, которые создают видимость уверенности в себе. В этом Создатель наградил людей огромной изобретательностью.

– Жаль, что я не могу ничего выдумать для себя, – сказал Унанки, поймав себе на том, что смотрит в том же направлении, что и его отец. – Я не смогу сказать себе, что Амиланд обманула, потому что она меня не обманывала – я сам себя обманул. Я не смогу заставить себя видеть в ней только то, что мне нравится. И... я не смогу забыть, что в ее руках я был марионеткой. И не смогу себе этого простить. Так что видишь, как получилось...

И конечно же никто ему не ответил.

Песочно-серый сумрак, пахнувший камнем и сухой травой, хаотичная пляска пылинок в солнечных лучах и легчайшее, но неровное дыхание эльфа. Замкнутый круг ощущений, каждое из которых цепляется за свое отражение, не давая лишний раз шевельнуть пальцем... Суровая златоглазая орка немилосердно перетянула его грудь и бока широким крепким полотном, не обращая внимания на ругань. Эльф кашлял кровью. И что-то приглушенно шептал на своем языке. А потом заснул.

Карсти осторожно подобралась поближе, не в силах противостоять желанию взглянуть на одного из мужчин, что похитили ее из родительского сада. Кажется, ей от предков досталось храброе сердце. Другая бы умерла от страха, когда откуда ни возьмись появились эти шестеро в широких хаву, с лицами, закрытыми платками. Девушка как замороженная глядела на бой похитителей с охраной, не чувствуя ни тошноты при виде хлещущей крови, ни отвращения к смерти. Люди умирали, кричали от страха и ярости, и все это происходило из-за нее, из-за Карстаны – девы Чирот, из-за которой никто никогда специально не пошевелил и пальцем.

Они нелюди, говорила нянька, когда Карсти спрашивала об тангарах, орках или эльфах. Нелюди. Странное слово, обозначающее загадку и заведомо несущее в себе презрение к чужаку. Не люди, а кто? Звери? Враги? Чем отличается истинный человек от нелюдя? Формой ушей? Цветом глаз?

Если прикрыть волосами уши, то этот эльф был бы неотличим от обычного мужчины, ровесника матери или отца. Болезненно искривленные губы, слипшиеся ресницы, морщинки в углах глаз. Тогда где же разница?

– Что ты делаешь? – спросил он, не открывая глаз.

Так неожиданно, что Карсти едва не прикусила язык.

– Зачем... зачем вы меня похитили?

– Я хочу спать.

– Вы хотите выкуп?

Эльф медленно приподнял тяжелые веки, обжегши девушку серебром своих глаз.

– Тебе и твоему брату ничего не грозит, – прошелестел он.

– Я дочь Богоравного.

– Да хоть самого Файлака. Оставь меня в покое. Пожалуйста.

Разозлить его оказалось делом одного мгновения. А вот заставить обратить на себя внимание было гораздо сложнее. Эльф не видел ничего вокруг себя. Впрочем, нет, он видел Шинтан и видел ее грозную мать. А Карсти он не видел. Без всякого стыда ходил в одних исподних штанах, прикрываясь одеялом, да и то только когда выходил побродить среди деревьев. Чавкал кашей и не стеснялся в выражениях. Карсти была для него чем-то вроде надоедливой детеныша зверя ценной породы. Какая охота разговаривать с волчонком или лисенком? Был бы тот просто сыт и здоров. Может быть, так оно и надо у нелюдей?

Может быть, так и надо, чтоб нелюдь долго-долго сидел под деревьями в редкой тени мелколистной кроны, глядя в пространство холодными глазами? А кажется, будто он ни на миг не упускает тебя из виду. Горячее марево на горизонте колебалось и дышало в такт с ними со всеми – с невольными пленниками пропитанных пылью руин храма-усадьбы. Где-то там должна была пролегать дорога, по которой в Даржу шли караваны из Ан-Риджи и Хисара, много караванов и много людей. Кто-то ведь должен был свернуть к такому уютному маленькому оазису? Но нет, никто не проезжал мимо, никто не сворачивал.

Карсти обратила внимание, что за ними с братом никто строго не следит. Орки не надзирали, они присматривали и делали это так, как делают обычные родственники – краем глаза, после других, более важных дел. Можно было отойти достаточно далеко в степь без всяких последствий. Карсти дважды делала так, но каждый раз возвращалась. И вовсе не из-за брата. Просто идти по сухой траве было тяжело, в горле першило от пыли, глаза слипались, голова кружилась. И она возвращалась, уставшая и голодная. Немая полуорка Шинтан не ругалась, а лишь шурилась по-звериному, бесстрастно и лениво. Ее мать если и отвлекалась от готовки, то лишь затем, чтобы поворчать на своем языке, пожимая при этом узкими плечами.

А эльф... он, казалось, читал все мысли, даже самые маленькие мыслишки, которые перепуганными мышатами бегали в ее голове. «Иди, иди, девочка, все равно идти некуда», – усмехались недобро его глаза. Порой байстрючке Богоравного начинало чудиться, что все они: она, эльф и орки – застряли, как плодовые мушки, в огромной невидимой паутине. Вот-вот паук придет...

Вынужденное безделье и тупая боль в ребрах раздражали Альсу больше даже, чем девчонка. На ее болезненное любопытство, и вечно удивленный взгляд, и растерянное выражение на личике еще можно было не обращать внимания. Хотя стоило только встретиться с ней глазами, как она начинала суетливо поправлять одежду, елозя туда-сюда ладонями по шелестящему шелку. Чем-то неуловимым Карсти напоминала Альсу насекомое – саранчу. Она ходила вокруг развалин не нужной никому бродяжкой. То отходя подальше, делая вид, что собирается сбежать, то неожиданно возникая где-то рядом.

Сначала Ириен пытался не выпускать ее из виду, а потом понял, что никуда девчонка не денется. Орки совсем не случайно оставались равнодушны к блужданиям Карсти. Милмад, по малолетству, не слишком досадовал на свою неволю. Наоборот, его здесь никто не заставлял наизусть заучивать целые главы из старинных книг, никто не будил ни свет ни заря, и даже мыться было совсем не обязательно.

У Шинтан свободное время появлялось только тогда, когда Милмад засыпал. А случилось это, едва солнечный диск скрывался за горизонтом. Умаявшись за весь день от беготни и игр, мальчишка мгновенно валился в сон. Тогда полуорка могла уделить немного внимания Альсу. Он умел разговаривать руками, и Шинтан блаженствовала от такой безраздельной возможности общаться.

Ее ладошки уютно ложились в ладони Ириена, теплые, сухие и жесткие. Правая поверх его левой, и наоборот, чтобы тут же «читать» ответ. Иногда не хватало одних ладоней или предплечий, тогда Шинтан отбивала дробь у эльфа на плечах и даже на щеках. Они смеялись.

А Карсти в своем уголке обиженно сопела, мечта на своих тюремщиков полные праведного гнева взоры.

«Где мы, Шинтан?»

«В брошенном доме».

Тонкие темные пальцы скользили по его ладони в замысловатом танце.

«Чей это был дом?»

«Не знаю».

«Врешь».

Пальцами можно даже улыбаться.

«Вру», – легко соглашалась Шинтан.

«А почему врешь?»

«Мне так хочется. Ложись спать. Завтра должен вернуться Сийтэ-эш».

И ее ладошки выскальзывают прочь. Нет рук – нет слов. И тут ничего не поделаешь. Но загадка оставалась, и она не давала Ириену покоя. Он слушался и ложился спать. И ему снились стены, украшенные замысловатой вязью письмен, которые были страницами никем не написанной книги. Книга эта была спрятана внутри самих стен. Паутина оплетала стены, и, проникая под переплет, нити становились рунами. Там было написано...

– Да вы тут совсем обжились, – громогласно заявил Сийгин, нимало не заботясь о том, что кто-то еще спит. – Как твои ребра, Альс?

– Отлично, – пробурчал эльф, с трудом продирая глаза.

Орк уже спугнул его сон – вещь весьма и весьма хрупкую, особенно в последнее время.

– Что-то непохоже, – усомнился Сийгин, видя, с каким трудом отрывает эльф от земли свой тощий зад. – Может, ты все-таки полежишь?

– Отвали от меня. Мне все едино: что лежи, что ходи, что сиди. В этих распроклятых развалинах никогда ничего не заживет как следует.

– О чем ты?

– Об этом месте. Как ты оказался здесь? Сам нашел?

– Э-э-э... Шинтан встретила на дороге. А что?

– Понятно, – фыркнул Альс. – То-то и оно, что Шинтан.

– Я тебя не понимаю, – пожал плечами озадаченный орк. – Хорошее место. Просто отличное! Раз до сих пор никто не нашел. Хоть Богоравный поднял на ноги всех – кого можно и кого нельзя.

Эльф еще более подозрительно покосился на невинно улыбающуюся из дальнего угла Шинтан и поджал губы.

– Что говорит Унанки? Скоро мы уже отсюда выберемся? – проворчал он.

– Разве он кому докладывает? Однако вторую половину задатка она передала, как и обещала. Даже, по-моему, больше, чем договаривались. – Орк молча и многозначительно показал глазами на сонных детей. – Я приехал отдать женщинам часть денег. Думал, ты уже на ногах.

– А я и уже, – начал было бодрячком эльф, но не договорил, скорчившись в приступе свистящего кашля. Со стороны казалось, будто в эльфе проделали дырку, через которую с визгом проходит воздух.

– Ага! Я вижу, – хмыкнул Сийгин. – Даже и не думай. Если Пард увидит, что я привез тебя в таком виде, то мигом вспомнит старые оныгьенские обычаи и переломает мне все кости. А Тор еще и добавит для пущей важности.

– С каких это дел я стал таким всеобщим любимцем? – искренне удивился Ириен.

– Ты парень обаятельный, – скорчил хитрую рожу орк. – Да и Унанки в тебе души не чает.

– Можно подумать... – смутился Альс.

Грист успела заварить каких-то пахучих листьев, заменявших здесь хаш и хассар, и подала его мужчинам в глубоких ручных чашах без ручек, чтоб могли заодно и руки погреть. Несмотря на то что днем было жарко, утром в степи всегда прохладно, и зимой, и летом. Шинтан молча улыбалась, склонившись над жаровней, словно почуяла, что раз; говор о ней.

– Ты в Шинтан и ее матери не сомневайся, – заверил Сийгин. – Они верные. Не предадут и не обманут.

– Я ничего подобного не думал. Мне сложно объяснить, но думаю, этот дом... – Было видно, что эльф с трудом подыскивает подходящие слова. – Его нет в нашем мире.

– Как это?!

– Спроси у Малагана, он тебе объяснит. Если получится. Не зря твои женщины встречаются и провожают каждого, кто сюда попадает.

Нефритово-золотые глаза орка по-кошачьи блеснули детским любопытством. Он обожал тайны и неизменно ожидал от мира чудес.

– Забавно. Я обязательно спрошу у Мэда. – Он задумался. – Тем более честь и хвала этим женщинам, раз они нашли для нас такое необычное место.

– А уж как мои ребра благодарны.

– Зато голова цела.

– И то верно.

Они могли бы болтать еще долго, но Сийгину нужно было возвращаться. Унанки, с подачи леди Чирот, сделал неожиданный ход. Вся их компания, включая Парда, подалась в ряды охотников на похитителей бастардов Богоравного, то есть практически на самих себя. Ириен оценил остроумие сородича в самых красочных выражениях.

– Смотри, как бы Джиэс сам себя не перехитрил.

– Я ему то же самое сказал.

Сийгин убрался еще до полудня, провожаемый невозмутимой, как священная кошка, Шинтан, на прощание сделав Альсу знак рукой, какой обычно делают мамыши, оставляя маленьких детишек одних дома в первый раз. Мол, скоро вернусь с гостинцами, ведите себя хорошо, крошки. Альс, как обычно, ответил непристойностью.

– Хороший парень, – сказала Грист. – И тебя любит, как брата. Зря ругаешься.

Обычно многословием мать немой полуорки не отличалась.

– Братская любовь – это последнее, в чем я нуждаюсь сейчас.

Орка осуждающе покачала головой.

– Я бы так не сказала...

И ушла готовить обед, оставив Ириена злиться в одиночестве.

Усталость тяжелой маской легла на лицо Унанки, опустив вниз уголки его губ, словно у печального актера. Две косы, заплетенные шассфорским способом, точно так же, как у Альса. Перекошенные плечи, выражение глаз, предельная сосредоточенность во взгляде. Кто бы мог подумать, что эти двое могут стать так схожи меж собой?

– Как съездил? Как Ирье?

– Съездил успешно. А твой сородич все еще болеет.

Удивление летучей мышью залетело в глубину черного зрачка эльфа.

– Странно. Все уже давно должно зажечь. Что говорит Шинтан?

– Она говорит, что так и надо. В этом месте.

Но Унанки, Легкий Как Перышко, словно и не слышал, что говорил Сийгин, его мысли улетели в одном ему известном направлении. Как у Шинтан совсем недавно, когда ее душа бродила по лесу мудрости Матери всех страстей.

...А орк всего лишь хотел помочь.

– Ему здесь плохо. Тяжело, – сказал он, когда ни Грист, ни тем более Альс их не видели и не слышали.

«Это не смертельно, Сийтэ», – снисходительно улыбнулась жрица.

– Успокой его. Полечи. Как ты умеешь – так ни у кого не выйдет.

Хорошо, что орки не краснеют, когда смущаются собственной смелости.

Шинтан отчаянно затрясла головой.

«Нет. Даже не проси. С ним я ничего не могу сделать».

– Он тебе не нравится?

«Я не умею пить огонь вместо воды. Но если бы и умела, Сийтэ, его огонь не для меня».

– Я не понимаю... – удивился Сийгин.

Взгляд у полуорки стал отрешенный, чужой и необычайно серьезный.

«Ты нашей крови – в тебе я растворяюсь. Джиэс легкий, как дуновение ветра в кронах деревьев. С ним я дышу полной грудью. Торвардин – как теплый камень, нагретый солнцем».

Ее пальцы стали похожими на раскаленные угольки, они разве что не дымились.

– А люди?

«Я наполовину человек, забыл? – снисходительно улыбнулась она. – Они текущие и изменчивые, как вода. Соленные, как море, быстрые, как горные реки, непрозрачные, как воды Бэйш в дельте. Нужно только отдаться их течению».

– А Альс?

Зрачок у жрицы стал огромным, поглотив золотую радужку.

«А он... страшный и бездонный, как самая глубокая бездна на дне самой нижней из преисподней, и он... как острейший, ослепительный луч, вонзенный в самый купол небес».

Глаза женщины стремительно наполнились слезами.

«Я не могу спать с Познателем. Моя богиня не дала мне такой силы...»

Орк крепко сжал руку на плече эльфа, заставляя вернуться из ментальных странствий.

– Ты знал, что Альс...

Продолжать дальше не имело смысла. Как эти эльфы умеют понимать то, что не сказано?

– Молчи! – Унанки надолго замолчал. – Да! – Он опять замолчал. – Я всегда знал.

– Странное дело... Мне должно быть страшно, но не страшно.

– И правильно. Поздно пугаться.

Что же ты наделала, Лилейная? Что сотворила собственными руками, своими мыслями и словами? Лестницу в небеса? Колодец в преисподнюю?

Только что ты возносила к вершине блаженства на широких драконьих крыльях страсти – и вот уже кувырком летишь вниз, в ледяную бездну отчаяния. стыдись, лилейная Амиланд, ты так не лила слез ни над матерью, ни над детьми, ни после поругания, ни в ожидании наказания, а теперь истекаешь горем, как горный водопад. И все из-за существа чужой крови, нелюдя, наемника, бродяги, недостойного даже взгляд поднять на самую прекрасную и благородную женщину Даржи.

Нет, он ничего не сказал. Ни слова упрека. Но губы поцелуями клеймили ее преступницей, сильные пальцы вязали невидимые узы на руках и ногах, жаркие движения вырывали из глотки крики признания. Эта казнь была мучительной, изощренно долгой и бесчеловечной. Вернее, нечеловеческой. Без суда и следствия, без дознания и обвинения, Джиэс вынес свой приговор, не удостоив даже словом.

Радость при виде его легкой тени в распахнутом окне быстро сменилась восторгом, на смену которому пришел леденящий страх. Эльф даже ласками мог заставить страдать. Когда запускать ладони в шелк золотых волос, Амиланд чувствовала себя так, словно он не на атласную подушку клал ее голову, а на мокрую от крови плаху. Право слово, лучше бы он избил ее до полусмерти.

- За что? – пролепетала женщина, когда смогла снова дышать.
- За всё, – чуть слышно отозвался Джиэссэнэ.
- Я только хотела спасти своих детей.

Эльф уже повернулся спиной, чтобы уйти той же дорогой, которой пришел, замер и, повернувшись к ней вполоборота, сказал:

- Ты иногда хотя бы сама себе не ври, Амиланд.
- Черный профиль на фоне льдисто-белых занавесей.

Несравненный Тимлар Тнойф решил поразить леди Чирот и остальную компанию не только количеством перемен блюд за обедом, целых шестнадцатью, тогда как во дворце у Богоравного бывает ну самое большее десять. Тимлар не упустил случая щегольнуть также золотой и стеклянной посудой, выбором вин и, разумеется, красотой своих рабынь.

Вместе с кланом Жиарри в лице его главы – лорда Малвана они собрались не только для того, чтобы полюбоваться богатством хозяина дома. Надо было срочно решать участь Кимлада, пока тот их не опередил.

– Наше счастье, что Дэгоннар все еще зол на вашего братца, миледи. Еще неизвестно, чем бы кончилась их аудиенция, – заметил Тимлар Тнойф, швырнув куриную кость в медный горшок.

«Чем? Скорее всего, Кимлад поимел бы Богоравного, как портовую проститутку, а тот бы еще молил о продолжении», – криво ухмыльнулась Амиланд. Но вслух сказала:

- Я раскрыла Богоравному глаза на Кимлада.
- О, я представляю, в каких выражениях.
- В самых изысканных, сударь мой, уверяю вас.

...Они давно не сидели по-простому – на пушистом ковре с босыми, поджатыми под себя ногами, давно не болтали так запросто, заедая засахаренными орешками легкое эрмидэйское вино. Наверное, лет пять, если не больше. За это время у Дэгоннара успело отрасти удивительно аппетитное брюшко, что при изобилии княжьего стола вовсе не удивительно, и, само собой, у Богоравного прибавилось ума и проницательности.

– Ты не выглядишь убитой горем матерью, – усмехнулся он, успешно пряча свой сарказм в холеную бородку. – Мне вся эта история представляется немного странной.

– Поверь, золото, которое я плачу похитителям, делает моих детей защищенными от всех напастей этого мира, – легко соврала Амиланд.

– Весьма своевременное похищение.

Теперь пришло время усмехаться леди Чирот.

– Надо было гораздо раньше намекнуть мне, что ты устал от Кимлада.

– Ты так его ненавидишь?

Единственной слабостью Богоравного – князя Дэгоннара была совершенно непрости- тельная для венценосца чувственность. Во всяком случае, именно так считала Амиланд.

– Ты себе вообразить не можешь, как я его ненавижу.

– Могу, – вздохнул князь, отправляя в рот горсть орешков. – В последнее время он совершенно распоясался.

«А как же! Изнасиловать девственника, которого ты приготовил для себя, милый мой».

– Мне бы доставило столько радости видеть, как его голова скатится с плахи, сердце мое, – мечтательно пролепетала Амиланд.

– Экая ты злопамятная. Нет, душа моя, тебе придется предпринять что-то самой.

– Это приказ?!

– Это совет. Причем настоятельный. Я более не желаю видеть твоего братца. Никогда.

Когда владыка говорит отрывистыми фразами, отрубая ими, как булатным мечом, кровавые кусочки от ядовитого змея своего долго сдерживаемого гнева, то мудрый царедворец спешит исполнить «совет» во что бы то ему... или ей ни стало.

– И мне все-таки хотелось бы видеть своего сына во дворце, – уже мягче добавил Дэгоннар.

– Как пожелаешь, Богоравный, – промурлыкала леди Чирот прямо на ушко князю.

Нежно лизнула кончиком языка лиловую жемчужинку сережки, запуская пальчики в густые волосы у князя на затылке. И платье само по себе сползло с ее округлых плеч, обнажая самые красивые груди в Дарже.

– Хочу тебя, – простонал князь. – Я так хочу тебя...

Но это еще ничего не означало...

Леди Чирот лучезарно улыбалась, думая о том, как они с Дэго предавались воспоминаниям юности.

– И тем не менее нужно еще переманить на нашу сторону Сфэллов, – многозначительно молвил лорд Малван.

Амиланд недовольно поджала пухлые губки. «Вечно от этих варваров что-то зависит. Это несправедливо!»

– Миледи, вам решать, – настаивал Жиарри.

Как будто она могла забыть.

– Вы уже не хотите, чтобы ваш сын взял себе Карстану?

Тнойф нервно заерзал в своем кресле, искоса бросая взгляды на своих союзников. Ему, конечно, очень хотелось получить в дом девушку княжеской крови, но настоящая выгода сейчас располагалась в несколько иной плоскости. Ради будущего можно пожертвовать амбициями. Если бы речь шла о законной дочери князя, то Тимлар скорее дал бы себя разрезать на сто кусков, чем уступил. Тут же байстрючка... и это меняет расклад.

– Если Сфаллы поддержат нашу партию, то я отдам Идиго Сфэлл и-Марро не только Карсти, но и пару собственных ублюдков в придачу, – отрезал лорд Тнойф.

«Я тебе надолго запомню *ублюдков*, милый мой», – подумала Амиланд, не решаясь посмотреть на собеседника. Если бы взгляды могли убивать...

– Так тому и быть, – кивнул лорд Жиарри.

Собственно говоря, именно эти трое: двое мужчин и одна женщина – кроили сейчас судьбы не только детей князя, но и самого Богоравного. За завтраком они решили, что используют сильное заклинание, благодаря которому у властителя более не будет детей. Для этого требовалось подкупить княжеских магов, что должно было обойтись им в целое состояние. Однако упускать шанс самим вырастить нового князя с молодых ногтей было нельзя. Он представляется не так часто, не чаще, чем раз в три столетия. Выгода Амиланд – самая очевидная. Мать наследника пользуется огромной властью. Тнойф и Жиарри представляют самые могущественные семьи старой аристократии. Первому принадлежит самый большой личный флот, а второму – серебряные рудники. И как бы они ни презирали Сфэллов, бывших кочевников можно перетянуть на свою сторону только обещанием пустить их в узкий круг особо избранных. Карстана, сама того не ведая, послужит пропуском в элитное общество. Опальный лорд Чирот в любом случае не мог предложить больше.

– Хорошо, – согласилась Амиланд. – Да будет так.

Сказано – сделано. Лорд Тнойф звонко хлопнул в ладоши, призывая своего доверенного человека, который давно уже томился на коврике возле дверей господина в ожидании одного-единственного слова – сигнала к действию.

– Не медли! – приказал он.

Топот босых ног по полированному дереву полов был ответом. Гонец понес Сфэллам долгожданную весть.

– Лилейная, вы уверены, что жизни вашей дочери ничто не угрожает, а самое главное, невинность ее не пострадает? – Таким тоном барышник справляется о состоянии лошади перед сделкой с заводчиком.

– Разумеется. Я заплатила похитителям столько, что с голов моих детей не упадет даже волоска.

– Всякое бывает, – засомневался Жиарри. – Зачем же вы обратились за помощью к своему любовнику? Вы до такой степени верите мастерству наемников-нелюдей?

– По той же самой причине. Выкуп выкупом, но всегда нужна надежная страховка. Я же не хочу, чтобы мои дети пострадали, если вдруг что-то пойдет не так.

– Разумно, – согласился Тнойф. – Хотя я все равно не стал бы доверять нелюдям.

– Возможно, Лилейная обнаружила у мастера Джиэссэнэ столько неоспоримых достоинств, что нам не понять? – двусмысленно хмыкнул лорд Малван. – В любом случае это похищение произошло исключительно своевременно. Еще немного, и лорд Чирот прибрал бы малыша Милмада к рукам.

Ладони Амиланд стали холодными, как жабье брюхо. За Малваном Жиарри водилась странная слава человека проницательного и даже мудрого. Женщина промолчала, сделав вид, что увлеклась сладостями. А ведь прав старый подхалим, рано или поздно не только ему в голову придет простая мысль о том, что Высокая Чирот сама подстроила похищение детей. С этим надо что-то делать. Срочно! Но сначала Кимлад, сначала только Кимлад. Жаль платье, конечно, и себя жаль, но ничего не поделать.

– Пожалуй, я пойду. Прикажите подать мой паланкин, милорд.

– Как пожелаете, Лилейная, как пожелаете.

Шелк шелестел, как тысяча лепестков нарани на осеннем ветру, скрывая шум шагов.

– Уже не здороваешься, сестрица?

Опальный царедворец успел выпить совсем чуть-чуть. Ровно столько, чтобы вино могло толкнуть его на необдуманный поступок.

– Я никогда с тобой не здоровалась, – презрительно швырнула через плечо Амиланд.

– Это верно. В том не было никакой нужды.

– Тем более теперь, когда ты пьешь в одиночку. Даже Виссель сбежал от тебя.

– Я ему сломал ключицу.

Здесь надо было бы без промедления выйти и убежать в свои покои, а лучше всего в женское святилище, но Амиланд сделала все наоборот.

– Ты всегда был грубой скотиной, братец, – заявила она, нагло уставившись на родственника.

– Какая ты стала резвая на язык. Много наговорила Дэгоннару?

– Много. Например, про ту взятку, которую ты получил за снижение пошлины на мясо от маргарских торговцев.

– Часть этой взятки ты носишь в своих ушах, – напомнил Кимлад.

За алмазные сережки в виде стрекоз можно было бы купить небольшое варварское королевство где-нибудь на севере.

– Торгаш! – крикнула леди Чирот.

Этого было достаточно, чтоб разбудить в братце дикого зверя.

– Шлюха!

– Мужеложец!

– Лучше трахать мужиков, чем ложиться под нелюдей. Подстилка!

– Да я лучше с последним ичером⁴ лягу, чем с тобой, мразь!

Кровь бросилась в лицо Кимладу. Он, наверное, даже сам не понимал, что делал, когда рвал на Амиланд платье, когда бил ее по лицу, когда наматывал на кулак ее густые волосы, когда грубо и жестоко брал ее прямо на полу. Слуги разбежались по дому, чтобы не попасться на глаза разбушевавшемуся хозяину. Они были уверены, что лорд Чирот убьет свою сестру, как часто делал это с рабынями. Изнасилует, а потом перережет горло. Она и сама так думала, когда Кимлад чуть не раздавил ей гортань, сжав шею, как в клещах.

– Сука, как же я тебя ненавижу... или люблю... как я давно хотел это сделать. Ты грязная потаскуха! – прохрипел он и сполз с нее, пятась назад на четвереньках. – Я хочу пить, тащи вина, шлюха!

Амиланд, тщательно сохраняя на лице выражение ужаса, поплелась за кувшином. Руки тряслись мелкой дрожью, как у запойного пьяницы, больше всего она боялась, что уронит драгоценный сосуд.

– Налей мне полную чашу! Полную, я сказал! До краев!

– Чтоб ты захлебнулся, выродок!

– Не дожدهшься, корова белобрысая.

Она сделала все, что он просил. Всё. И немного сверх желаемого.

– Пошла вон, тварь! – прорычал Кимлад, единым глотком опрокинув в себя вино. – Ложись в свою кровать и широко раздвинь ноги, я скоро приду.

Высокая Чирот вывалилась в коридор чуть живая, еле переставляя ноги, ее тут же подхватила Лих и, шепотом причитая, поволокла на себе в опочивальню. Там госпожу уже поджидала бадья с горячей водой и чистая постель.

– Мы подопрем дверь шкафом, моя госпожа, он не сможет добраться до вас снова.

– Да, Лих, обязательно, – выдавила из себя леди Чирот.

Ревущие рабыни раздели ее, вернее, поснимали обрывки платья и осторожно стали смывать кровь, вино и семя, стараясь не касаться свежих ссадин. Но Амиланд Саажэ ри-Ноэ-и-Этсо, Высокая леди Чирот почти не чувствовала боли. Она плакала. От счастья.

Кимлад, сделав еще один большой глоток, вдруг почувствовал тошноту, его бросало то в жар, то в холод, весь рот пекло, словно туда насыпали жгучего перца. Желудок скрутило жесточайшей болью. Он свернулся калачиком, как младенец в утробе матери, и так и не смог закричать. Скрипел зубами и пускал слюни, пока не издох в жутких корчах.

Наутро, когда трясущиеся от ужаса слуги все же решились посмотреть, в чем дело, Кимлада не сразу узнали, до такой степени исказилось лицо самого красивого мужчины Даржи.

Верная Лих, против всяких правил, ворвалась в спальню хозяйки и закричала:

– Миледи, ваш брат!..

– Что мой брат? – спросила Амиланд.

Только не думайте, будто она спала эту ночь. Как невозможно проспать собственное рождение, так нельзя проспать ночь освобождения.

– Он мертвый лежит в зале.

«Я надеюсь, ты вдосталь помучился перед смертью, Кимлад!»

– Слава тебе, Великая Пестрая Мать! – воскликнула Амиланд.

И не нашлось бы в Дарже ни одного человека и нечеловека, который бы не понял ее искренней радости. Уже весь город знает, что тот изнасиловал собственную сестру. И слухи непременно дошли до ушей Богоравного. Теперь Высокая Чирот не только несчастная мать похищенных детей, не только гордая женщина, бросившая вызов чудовищу, но и невинная жертва гнусного преступления. Что и требовалось доказать.

⁴ Ичер – потомок смешанных браков, носитель крови всех четырех рас.

Но скажите на милость, господа мои, как еще она могла подсыпать яд в вино и подать его ненавистному Кимладу, да чтоб он и выпил все до дна? Не было другого способа, просто не существовало в природе. А то, что изнасиловал... ну так в первый раз ей было много хуже. Восемнадцать лет более чем достаточно, чтобы обдумать и совершить самую тонкую месть.

– Отправь кого-нибудь в гостиницу «Грифон». Сама знаешь, к кому. Передай только одно слово: «Завтра».

– Да, моя госпожа! К вам пожаловал личный лекарь Богоравного. Пригласить?

– Конечно. Но только его одного. Для остальных я при смерти.

Амиланд на миг призадумалась, не давая знака прислужнице уйти.

– Лих, твой отец по-прежнему служит мастеру Сайю? – спросила леди Чирот.

Служанка кивнула.

– Вечером я хочу его повидать. Как всегда, без свидетелей. Деньги можешь сулить любые.

– Как прикажете, – молвила умная девушка и поспешно удалилась.

Попасть на Двор Убийц далеко не так просто, даже если там уже сорок лет верой и правдой служит родной папаша. Лих следовало торопиться.

Ребра Альса если и успели зажить, то не слишком хорошо, потому что на коня он взбирался с грацией беременной бабы.

– Ты прямо как незэльф, – фыркнул Пард, недовольно наблюдая за ним.

– Точно, – подтвердил Малаган. – Так у людей заживает. Медленно и тяжело.

– Серьезно? – переспросил Ириен.

– Да, а ты думал, мы прикидываемся, когда после более-менее серьезной раны еще полгода за собой ноги еле волочем?

Наконец-то эта история заканчивалась, к превеликому удовольствию всей компании. Детей можно было вернуть матери, их кошельки прилично потяжелели, леди Чирот становилась самой влиятельной дамой Даржи, всесильный лорд Кимлад отправился на дно всех преисподен. Каждый получил заслуженную награду по трудам своим. Шинтан с матерью выглядели гордыми и страшно довольными. Полуорка, по случаю окончания своего добровольного уединения, нарядилась в лучший наряд, с ног до головы увешалась украшениями и расписала руки пурпурными цветами.

– Всё. Можем ехать, – распорядился Унанки.

Милмад сидел у него за спиной, Карсти взял в седло Тор. Очень скоро они все оказались там, где кончалось трепещущее марево и начинался обычный мир с густым запахом трав и пыли, с нестерпимо палящим солнцем и где эльфы раны заживают прямо на глазах.

Сийгин мурлыкал себе под нос песенку. Тор и Пард ожесточенно спорили о чем-то мало-понятном и божественном. Элливейд строил планы относительно того, как он потратит заработанные деньги. Содержателей притонов, судя по его рассуждениям, ожидало скорое обогащение. Деньги в его карманах не задерживались на сколь бы то ни было длительный срок. Ну, предположим, на целое шестидневье...

– Альс, ты тоже это видишь? – вдруг спросил Унанки.

Из оливковой рощи, принадлежащей лорду Тнойфу, навстречу отряду выходили какие-то вооруженные люди.

– Или у меня начались видения, или это бойцы мастера Сайи, – тихо сказал Ириен.

– Или я полный идиот, – проворчал Джиэссэнэ и грязно выругался на родном языке.

– Тебе виднее, – охотно согласился Альс. – Сийгин, скажи Шинтан, чтоб забирала детей и возвращалась обратно!

Но хоть подручные мастера Убийц и не считались лучшими воинами, а оно и не нужно, особенно тем, кому платят за удачный удар в спину, зато их было больше. Гораздо. А кто сказал, что золото леди Чирот достается просто так?

Жаль только, что ушлый летописец не запишет в свой пергамент о том, какая славная битва выдалась в окрестностях Даржи в канун Духова дня года Зеленого дракона, 16441 года от сошествия Пестрых богов.

Оказалось, что Торвардин сын Терриара своим двуручником умеет пользоваться гораздо лучше, чем от него ожидалось. Что Аннупард Шого будет отважно и самоотверженно прикрывать спину нелюдя Джизсэнэ. Что Сийгин – стрелок милостью всех старых и новых богов, и что Элливейд-маргарец не только умеет просаживать деньги, а еще и воин не из последних, не говоря уж о Мэде Малагане. Заодно Ириен Альс забыл о своих болячках. Не до ребер ему стало. Голову бы сохранить в относительной целости. А уж свои мечи, ставшие впоследствии знаменитыми, он и вовсе не зря таскал столько лет за плечами.

Впрочем, может, оно и правильно, что ничей посторонний взгляд не стал свидетелем драки компании мнимых похитителей и банды наемных убийц. Ничего там хорошего не было. Были трупы, много крови, дикие вопли, предсмертные хрипы и еще много всяких вещей нехороших, на которые малым детям смотреть на сон грядущий не полагается.

Многие из Сайевых людей умерли, еще больше сбежало, оставив поле боя за наемниками-похитителями. Те, в свою очередь, отделались не слишком серьезными ранениями. И только Шинтан осталась лежать в пыли, сжимая мокрыми от крови руками два арбалетных болта, торчащих из живота. Это называется – случай.

Она должна была умереть почти сразу, но отчаянно сопротивлялась воле Милостивой Госпожи. Она хрипела и неотрывно смотрела на Сийгина. Шинтан хотела что-то «сказать». Только он ее не видел, потому что кровь из резаной раны на лбу заливала ему глаза сплошным потоком.

– Потерпи, – просил ее Альс. – Мэд, сделай что-нибудь, сделай!!! – кричал он, хотя и сам понимал, что сделать ничего нельзя. Один из болтов раздробил полуорке позвоночник, прошив ее насквозь.

Женщина сумела оторвать руку от своего живота и схватила Ириена за запястье.

«Вернуться. Назад. Всем», – только и смогла начертить она скрюченными от боли пальцами.

– Возвращаемся! – приказал эльф.

И, что удивительно, его никто не посмел ослушаться. Только задержались, чтобы наскоро перевязать свои раны. Унанки посадил на лошадь Шинтан онемевших от пережитого ужаса Карстану и Милмада. Тор взял на руки истекающую кровью полуорку. Он ехал впереди всех, чтобы Шинтан из последних сил смогла открыть проход к развалинам усадьбы-храма.

Вот впереди колышется горячий воздух, норовя превратиться в мираж, и вот, словно по волшебству, перед глазами вырастает кривое полузасохшее дерево с такой знакомой веткой, похожей на старушечью руку, на ней сидит невозмутимая черная птица. Милое местечко, что ни говори. Только нет больше пыльных руин, и на месте треснувшего купола и рассыпающихся стен стоит здание невиданной ни в Дарже, ни в Маргаре, ни вообще в этой части обитаемого мира архитектуры, мерцающее изнутри серебристо-зеленым светом. Словно великан из древних сказок высыпал на высохшую траву кучу блестящих кубиков, каждый из которых в длину не менее пятнадцати шагов. Целехонек купол, гладкий, словно отполированное дно медного тазика.

– Похоже, нам туда, – сказал Малаган совершенно спокойным голосом, указывая единственный проход внутрь удивительного сооружения.

– Мэд, может, не стоит... – начал было Пард.

– Уверен, если мы не войдем туда, пока Шинтан еще жива, – молвил эрмидэ, – то обратно нам ни за что не выбраться.

Тора уговаривать не пришлось совсем, он смело шагнул на порог колдовского дома. Он все еще надеялся, что женщину можно спасти. Даже если это может стоить им всем... Неважно.

Женщины – святое, и душа мужчины ничто в сравнении с жизнью самой подательницы жизни. Эта такая же истина, как и святость Вечного огня. Во всяком случае для тангара.

– Если вы с братом сойдете с лошади до того, как мы выйдем наружу, то больше никогда не вернетесь к своей матери, в Даржу и вообще в этот... хм... в наш мир, – мрачно предупредил Альс Карстану.

Она ему верила.

Внутри все: и стены, и полы – тонуло в сиянии, не давая возможности разглядеть ни своей природы, ни происхождения. Даже кровавая дорожка, тянувшаяся за Торвардином, казалась разлитой ртутью. Резкий чуждый свет искажал все вокруг до неузнаваемости – цвет глаз, оттенков кожи, – четко очерчивая каждую тень и сглаживая детали. Словно кто-то незримый, хозяин этого места, давал понять, что окружающие чудеса не имеют никакого значения, чтобы отстранять на них внимание. А цель была близка. Надоевший Альсу до рвоты за две дюжины дней высокий разрушенный зал, пространство которого резали золотые пыльные солнечные лучи, неузнаваемо преобразился. Вместо выемки в полу красовался квадратный камень, похожий фактурой и на ощупь на кусок покрытого изморозью льда.

Тор положил умирающую орку на камень, пятная морозную белизну темной горячей кровью. Собственно, больше положить ее было некуда.

– И что теперь? – спросил Пард.

Вопрос относился почему-то персонально к Альсу.

– Понятия не имею, – пожал плечами тот.

Довольно-таки равнодушно для существа, попавшего в такое необычное место.

– Ты знаешь, где мы? – полюбопытствовал Элливейд, которого вообще-то было трудно чем бы то ни было смутить.

– Нет.

– Вы будете лангой, – сказала вдруг Шинтан чужим голосом.

Никто никогда не слышал голос полукровки, в том числе и родная мать, но этот голос не мог принадлежать живой смертной женщине. Так могла говорить только сама Пестрая Мать. Он гудел колоколом, он струился, как вода из священного источника, он обжигал огнем. У смертных не может быть таких голосов.

Торвардин рухнул на колени, готовый внимать Матери богов. Но остальные его сотоварищи не стали спешить. Они просто замерли на месте от неожиданности, памятуя о том, что когда к вам непосредственно обращается любое божество, то это не обязательно милость и благо. Как правило, совсем наоборот. Это означает только то, что бог решил усложнить вам жизнь, расписавшись в собственном бессилии.

С богами такое бывает.

И никогда – с Создателем.

Что, если поразмыслить, вовсе не удивительно.

– Исполнено! Вы будете лангой, вы пойдете одной дорогой, и какой бы она ни была длины, у вас будет одна цель и одна судьба на всех, – прошептала Шинтан.

И от ее шепота швы и нити мироздания туго натянулись и зазвенели.

Засияли нестерпимым золотом глаза полуорки, она сказала...

Не спрашивайте, как становятся лангой, милостивые господа, вам не ответят. Бесполезное занятие и не нужное никому знание, потому что судьба – это такая тонкая материя, которой лучше не касаться без нужды. Себе дороже. Чтоб вам спокойно спать ночами, чтоб не чувствовать всей кожей обжигающие стрелы случайностей и холод предопределенности, чтоб не знать и не ведать до поры до времени. Плохи шутки с лангой, плохи шутки с судьбой.

В бушующем кольце ослепительного сине-зеленого света.

Сладко-терпкая боль в сведенных судорогой пальцах.

Жидкий огонь, текущий под кожей.

Боль. Свет. Кровь на губах. Дорожка слез на ледяной щеке.

Звериный оскал на лишенном татуировок лице орка. Золотистые глаза счастливого кота, глядящие из-под завесы черных смолянистых прядей, как из зарослей густой травы.

Эрмидэец кричит, кричит от острейшего наслаждения, как от соединения с любимой женщиной, с единственной женщиной, и крик его захлебывается, переходит в птичий клекот. Волосы, заплетенные в тоненькие косички, шевелятся, как живые змеи. Гордая птица бьется с коварной змеей. Птица победит.

Неугасимый, вечный, изначальный огонь пляшет в темных зрачках тангара. Он видит только огненные письма, седой пепел, океан света и бездну ледяного пламени, и из прокушенной губы обжигающей стружкой стекает по подбородку и шее живая кровь. Но боли больше нет. Уже нет.

Человек хрипит и задыхается, пытается кричать, и у него ничего не выходит. Потому что он больше не человек, он – острие самого острого меча, он – вершина поднебесной горы. Человечья судьба больше не властна над ним.

Эльф молча терпит боль, и нет предела его терпению, как нет конца вечности. Медленно, медленно, медленно осыпаются легкие белоснежные перышки, которые уносит прочь ветер. Он сам станет этим ветром, скоро он станет дождем, чтобы пролиться в озеро, на берегу которого родился и вырос. Но время еще есть. Немного, совсем немного, но есть.

Плачет, плачет маргарский мальчишка, нашедший свой истинный дом, никогда раньше не знавший ни дружбы, ни верности. Сердца друзей ему отныне дом, и верность – божество.

Тьма обступала Познателя со всех сторон, и у нее были теплые губы, и сильные руки, и волосы, пахнущие полынью и медом. Тьма сжала объятия, он выпил ее вздох, задыхаясь от счастья. Тьма обещала стать мукой, но подарила блаженство. Она не умела лгать. Она пообещала довести его до конца Пути, туда, где он смог бы узнать, что...

Лилейная Амиланд не посмела. Даже она, ныне вознесенная на самую вершину власти, даже она не решилась пойти против ланги. И когда они, все семеро, явились к ней во дворец вместе с ее детьми, леди Чирот не смогла молвить ни слова упрека. Джиэссэнэ смотрел мимо. Он был невыносимо вежлив и одурачивающе любезен. От его благородства хотелось до крови расчесать кожу. Говорить было совершенно не о чем. Ну не прощения же просить у бывшего возлюбленного за обман и неудавшееся покушение? Если бы Амиланд действительно пыталась его убить, Джиэс мог бы понять и простить. Но людям мастера Сайи был дан приказ убить всех наемников, кроме него самого. Для эльфа нет хуже оскорбления. Милосердие покровительницы – как плевок в лицо.

Такого бесчестия он простить не мог. Ну нелюдь! Что с него взять?

Как там утверждает эльфийская поговорка: «Доспехи чести легче перышка, но тверже алмаза»?

А есть еще и другая, гласящая, что перышко маленькой лжи перешибает стальной хребет доверия.

Дались же остроухим эти распроклятые перья.

К слову, вы думаете, Карстана простила матери свой брак с Идиго Сфэлл и-Марро? Как бы не так.

Глава 3

ЛЮБИМЧИК УДАЧИ

Раб – это не тот, кто закован в цепи, а тот, кто пожелает своей участи другому.

Ланга. Весна 1690 года

Корчма называлась простенько – «Мухобойка» и располагалась не в самом благополучном квартале Ан-Риджи – Малом Загибе. До зловещего Адашха, в котором и днем появляться без оружия и охраны равносильно извращенному самоубийству, Загибу, конечно, было далеко. Народ здесь обитал незлобивый и относительно законопослушный. В Малом Загибе, зажатом между землей гильдии Кователей и территорией клана Сэанх, помимо множества дорогих борделей и игорных домов имелись также укромные места для серьезных разговоров.

«Мухобойка» имела репутацию солидного и уважаемого заведения. Здесь подавали только саффское двенадцатилетней выдержки, прислуживали исключительно молодые мужчины – коренные ан-риджанцы, привычные с детских лет пользоваться ножами-серпами. Но самое главное – здесь можно было не опасаться выстрела из духовой трубки откуда-нибудь из-за тяжелых портьер. По крайней мере так утверждал хозяин – толстенький бородатый весельчак с колкими черными глазками по имени Кумалан. Доказательством его слов служил тот бесспорный факт, что в «Мухобойке» за все время с момента открытия ни разу никого не убили. Ни меч, ни стрела, ни яд, ни магия не должны были коснуться гостя, перешагнувшего порог корчмы. Кумалан без усталости заботился о репутации своего заведения и не пожалел денег на содержание многочисленной охраны, охранные заклинания и услуги колдунов, которые стоили... Короче, об этом лучше не вспоминать на голодный желудок. Можно и язву заработать от напрасных переживаний. Обычно Кумалан был относительно спокоен за исход большинства бесед меж своими посетителями, а уж тем более тех, что происходят в разгар жаркого полдня. В такую жару лишний раз шевелиться не хочется, не то что убивать кого-то.

Однако с обычными мерками к событиям, что разворачивалось на глазах Кумалана, подходить не следовало ни в коем случае. Сначала пришел Фриз в сопровождении двух громил непотребного вида. И хотя эти двое чинно, как детишки в храме, сидели, сложив руки на коленках, одного взгляда на них доставало, чтобы покинуть корчму сразу и надолго. Да-да! Тот самый Длиннорукий Фриз. В Ан-Ридже Фриз слыл если не правой, то по крайней мере левой рукой Бьен-Бьяра – Степного Волка.

Его приход Кумалан пережил более-менее спокойно. Пусть хоть с десятком громил, лишь бы трезвый. Но очень скоро в «Мухобойку» зашли такие гости, что бедняга корчмарь чуть со своего стула не свалился. Он в жизни своей не видел живого эльфа, но сразу догадался, к какой расе принадлежит высокий мужчина, решительно направившийся к столу, за которым сидел Фриз. И неважно, что по эту сторону Маргарских гор эльфы не появлялись уже добрые две-три сотни лет, но не признать эти светлые миндалевидные глаза невозможно. Странное дело, тонкие черты лица не производили впечатления женоподобности, как утверждали знатоки. Даже две толстые косы, толщине и густоте которых позавидовала бы любая красавица, казались отлитыми из стали, словно какое-то немыслимое оружие, носимое на плечах. Впрочем, возможно, эльф казался столь опасным, потому что через его правую щеку тянулся светлый тонкий шрам от уголка губ к виску, очень заметный на фоне загорелой кожи. Его рубашку

на спине и на груди крест-накрест пересекали ремни диковинной перевязи для двух крепившихся на спине мечей, чьи рукоятки торчали над обоими плечами эльфа. Нелюдю достало только мазнуть ледяным взглядом по Кумалану, чтобы тот буквально примерз к месту, не в силах пошевелиться. С эльфом тоже заявили двое. Оба люди, в которых и Кумалан, и даже Фриз с изумлением опознали онгье и островитянина-эрмидэ. Онгье, как водится, рыжеватый, с мощной курчавой бородой. Невысокий крепыш, словно сошедший с картинки в книжке знаменитого путешественника Изумрудного Гарани, описавшего все известные земли мира и всех его обитателей, от аймолайцев до подгорных тангаров и эльфов из Валдеи. По молодости лет Кумалан увлекался подобным чтивом и даже мечтал стать путешественником. Отцовская плетка избавила его от этого желания лишь с третьего раза. Второй спутник эльфа тоже мог претендовать на место в справочной литературе. Крючковатые выдающиеся носы островитян вошли в поговорку, как и сотни косичек, в которые они любили заплетать свои русые кудри.

«Итак, что же мы имеем? – спросил себя корчмарь и сам себе ответил: – Ланга – вот что!»

Эльф, онгье и эрмидэец, о которых уже успела прослышать вся Великая степь. На самом деле их не трое, а семеро, как и полагается в ланге. Два эльфа, тангар, орк и трое людей. Только ланга могла объединить в себе таких разных существ, только ланге такое под силу. Да кто бы сомневался! Каждая собака на континенте знает, что онгье ненавидят эльфов и вообще всех нелюдей поголовно, а у орка обязательно найдется повод выпустить кишки любому тангару.

Значит, Фриз решил встретиться с лангером Альсом в «Мухобойке»? Что ж, очень и очень почетно, если, конечно, дело кончится без крови. Бьен-Бьяр как-никак коренной уроженец Хисара и должен знать поговорку, гласящую, что нанявший лангу рискует быть непринятым даже в самую последнюю из всех девяти преисподен. Впрочем, замыслы Степного Волка занимали сейчас толстенького корчмаря менее всего. Он мечтал только о том, чтобы его гости поскорее покинули «Мухобойку», желательно живыми, а уж за порогом пусть хоть на куски друг друга покровсают. Для дела главное – репутация, тем более заработанная каторжным трудом от рассвета до заката и от заката до рассвета.

Кумалан тер стаканы и старался глаза на беседующих лишний раз не поднимать. Голосов он не слышал, но и того, что было видно в начищенное медное блюдо за дальней стойкой, хватило для легкого сердечного приступа. Фриз, как обычно, улыбался своей гаденькой ухмылочкой, поднимающей уголки его тонкого рта резко вверх, как у деревянной куклы. Корчмарь знал, что такая ухмылочка ничего хорошего не предвещала. А вот эльф, наоборот, сохранял на своем лице маску нечеловеческого спокойствия. И если руки Фриза делали какие-то скребущие движения, то ладони эльфа лежали на столешнице как мертвые. Его соратники, занявшие места чуть в сторонке, едва сдерживали ярость. Онгье стал пунцовым, а островитянин недобро щурил глаза, бросая гневные взгляды на Фриза. И ничего хорошего сложившаяся обстановка никому не сулила.

Все знают, что злого бога судьбы Файлака не зря зовут злым, ибо та сила, которую он воплощает в себе, никак не может именоваться доброй. Как нельзя назвать добрым море, или ветер, или пламя. Но, с другой стороны, водой можно напиться, если набрать из реки маленький ковшик, а у костра – согреться, если разжечь его из парочки сухих бревнышек. Силы могучи, но никому не возбраняется взять немножко для себя. Судьба же... такая штука, что ни полный величия земной владыка, ни самый распоследний бродяга не могут знать, чем обернется их самый незначительный поступок, малое слово или даже мелкая мыслишка, белкой скакнувшая в полудреме.

Бывает так: выросший в канаве мальчишка-сирота, мелкий воришка, чья жизнь, по всем признакам, должна пройти в той же канаве и там же скоро и бесславно завершиться, становится сначала вожаком стайки таких же воришек. Затем он быстро превращает свою стайку в настоящую стаю, а потом внезапно становится некоронованным королем целой ночной армии убийц,

воров, насильников и душегубов прекрасного Хисара. Но и этого бывшему сопливному пацану мало. Мало ему Хисара, прекраснейшего из городов Великой степи, подавай ему всю Великую степь, как пирог с куриной печенкой на золоченом блюде. Год, другой, и уже от края ее до края, от Маргарских гор до моря Лантин-Сиг и от притоков Бэйш до Великого океана летит, обгоняя самого резвого скакуна, жаркая, как пожар, слава о Степном Волке Бьен-Бъяре – самом страшном разбойнике на людской памяти. «Некоронованный король», – говорят за его широкой спиной. И не стоит сгоряча именовать их лъстецами. Вот-вот, еще чуточку, и любимчик слепой Каийи, богини удачи-неудачи, решивший, что пора обзавестись не словесной, а самой настоящей короной, начнет присматривать себе подходящее царство-государство, где владыка послабее будет. А что, государи мои, такое уже бывало. И не раз, и не два. Считано ли, меряно ли, сколько раз целая династия грозных и великих королей начиналась с некоего проходимца и ловкого разбойника, чьей наглости хватило не только на грабеж на большой дороге, но и на золотой венец владыки? И чем хисарский сиротка хуже? Да ничем, он даже лучше. Ибо силен и отважен, как горный барс, красив, как сказочный див, хитростью и умом тоже не обижен. Какой король пропадает! Вай-вай-вай! Не король, а целый властелин.

И те, что пойдут за таким властелином следом и будут верны, как преданные псы, могут получить многое, почти все и даже немножечко сверху. Фриз был как раз из таких. Они начинали вместе, и более того, Бьен-Бъяр по малолетству ходил под началом Фриза, о чем тот никогда лишний раз старался не упоминать. Если Степной Волк станет королем, то своего наивернейшего соратника не забудет, сделает дворянином и, возможно, одним из советников. Когда Фриз думал об этом, то голова его кружилась от сладких предвкушений. Мечта была так близка и так отчетлива, что бывший хисарский вор уже ощущал чуткими ноздрями запах тонких духов его будущих юных наложниц, ароматы изысканных кушаний и краем глаза зрил блеск драгоценных камней, которые будут принадлежать ему. Даром, что ли, еще в юности дана была ему кличка Длиннорукий? Уж больно загребушими были его тонкие, ныне весьма холеные руки.

Хорошо все шло, просто на удивление складно. Верные соратники, золото, кони, большие планы и возможности немалые. А еще принцесса в придачу. Самая настоящая, всамделишная, сама на шею вешалась, сама пухлые красивые губы для поцелуев подставляла, юная, капризная, девственная. Не угадали кто? А уже вся Ан-Риджа по углам шепчется. Ну да ладно...

Все есть, осталось только царство раздобыть. И не какое-нибудь захудалое, а богатый Сандабар. Уж больно запал Бьен-Бъяру в душу Чефал – древний и красивый город, город трех тысяч лестниц, город храмов и дворцов, что один другого великолепнее. Лакомый кусочек, только возьми да в рот положи, как сладкий спелый персик. Никто из соседних государей и слова худого не скажет, если кое-кто отберет корону у презренной владычицы Тайры-Ли, которая не только имела наглость уродиться женщиной, а значит, существом низким и подлым, но и осмелилась отказаться от навязчивого покровительства соседей. Степной Волк не уставал возносить хвалы слепой богине, но, видимо, переусердствовал в своем рвении и оскорбил ее злопамятного брата. Боги они ведь как люди стоит только дать им повод для зависти и недовольства и они готовы соорудить смертным какую-нибудь особенную подлянку.

Шел недавно Степной Волк через Толстый рынок. Не один шел, конечно, с ним «десятка» полная шла при оружии. Торговцы наперебой предлагают свой товар, да не купить, а даром. Кому сколько не жалко. А кому жалко, тот не скажет. Кое-что Бьен-Бъяр берет: шелк там инисфарский или, скажем, кувшинчик саффского. По мелочи, чтоб добрые люди не обижались. К слову, больше ему по душе улыбчивые лица и склоненные спины. Истинный владыка. И тут откуда ни возьмись прямо на дороге сидит старуха. Мерзкая такая старушонка, вся сморщенная, как черная изюмина, в лохмотьях грязных. Попрошайничает старая без зазрения совести и ухом не ведет. Бьен-Бъяр идет, старуха сидит, он уже остановился, а она даже головы не подняла, карга старая. Ну кто такое потерпит? Тем более будущий властитель Сандабара. Пнул

сокол степной старую, но не сильно, а легонечко, мол, прочь с дороги. Тогда поднимает бабка лицо, а глазищи-то у нее темно-синие, как вечернее небо, стра-а-ашные. И говорит она тихонечко, но слышно отчего-то всем и сразу, почти всему базару:

«Выбирай, Волк, либо алмазный венец сандабарской королевы, либо королевская кровь чужой нареченной. Твой выбор – твоя судьба. Вижу кровь твою на великом мече и в рабском ошейнике».

Так прямо и сказала, а пока Бьен-Бьяр челюстью туда-сюда двигал да пока его охранники за сабли хватались, исчезла бабка в ослепительном белом пламени. Ибо была то не простая нищая, а сама Мать Таян – чародейка-пророчица из тайного города Сакша. Так-то вот!

Великая степь полна историями о ее пророчествах, как походный котелок кашей. Все знают, что Мать Таян словами не сорит, и ежели кому чего пообещала, так тому и быть.

Кто-то, возможно, покручинится да и смирится, но только не Бьен-Бьяр – любимчик удачи, который провинился только тем, что опоздал родиться для битв с самими богами. Бьен-Бьяр, и без того разумом не обиженный, подумал-подумал и решил нанять лангу. Тем более что заплатить за такое удовольствие ему было вполне по силам. Уж больно не хотелось отказываться от красавицы Сейдфал, совсем не хотелось. Об отказе от сандабарской короны речь вообще не шла.

Ходят, ходят еще по земле отряды непростых наемников, называемые лангой. И людская молва утверждает, что лангерами становятся только те, на ком судьба при рождении не поставила своей печати, которой клеймит она всех без разбору рода и племени. Есть и такие среди смертных как исключение, лишь подтверждающее удручающее правило. И только в их силах повлиять на чужую судьбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.